

# Пятнадцатый рай

**Автор:**

Алиса Клевер

Пятнадцатый рай

Алиса Клевер

Два месяца и три дня #3

Нет более гармоничной пары, чем Арина и Максим! И судя по всему, им никогда не приесться секс, не наскучит быть вместе, потому что их чувства истинны, а фантазия богата на выдумки. И все бы у них было ладно, если бы не зависть, подлость и страхи окружающих их людей. Такой любви трудно не позавидовать! Отец Максима, богач, никогда не знавший отказа и привыкший манипулировать людьми, обманом и хитростью похищает Арину. Максим в ужасе. Но на помощь ему приходят те, на кого он не надеялся. Арине и Максиму раскрываются тайны, державшие в напряжении не одну душу.

Алиса Клевер

Пятнадцатый рай

© Клевер А., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

\* \* \*

«There are no unbeatable odds,

There are no believable gods,

There are no unnameable names...

...I don't ask much, I just want you[1 - Тут нет непреодолимого превосходства, Тут нет правдоподобных богов, И нет имен, которых нельзя назвать, Я не прошу о многом, только о тебе. Оззи Осборн]».

Ozzy Osbourne

She tells me, «Worship in the bedroom».

The only heaven I'll be sent to

Is when I'm alone with you,

I was born sick, but I love it[2 - Она говорит: «Поклоняйся в спальне». Единственный рай для меня - когда я остаюсь наедине с тобой. Я был рожден больным, но я люблю это... Хозиер]...

Hozier

1

Корабль дал течь, и все знали, что капитан лжет. И он сам тоже знал, что эта страшная правда известна всем, но с невозмутимым лицом продолжал врать. Слишком поздно говорить правду. Зачем людям знать, что никто не придет им на помощь и никого не вытащат из глубокой темной воды. Люди продолжали безмятежно прогуливаться по палубам, закутываясь в твидовые пледы. Кто-то смеялся, громко, навзрыд, словно бы почти плакал, а официанты в белоснежных livreaх подавали шампанское в высоких бокалах из хрусталя. У всех официантов были одинаковые лица, определенно все они были – identical twins[3 - Идентичные близнецы (англ.)], и это было странно и ненормально, они просто не могли быть рождены одной женщиной. Десятки мужчин с одинаковыми глазами, разрезами ртов, с совершенно одинаковыми выражениями лиц.

Этого не может быть. Линия горизонта сливалась одна на другую накатывавшимися волнами, и разглядеть ее было сложно, будто она каждую секунду теряла четкость и резкость. Как если бы Арина смотрела на горизонт в бинокль, фокус которого каждую секунду кто-то крутит то вперед, то назад. Но одно было отчетливо видно – с каждой минутой линия горизонта опускалась все ниже, и темная, похожая на масло вода приближалась.

В какой-то момент высокая рыжеволосая девушка в платье с цветастым принтом в стиле семидесятых потеряла равновесие на накренившейся палубе. И волосы, и платье, и даже смех девушки были настолько ярче всего остального, что создалось ощущение, будто она вписана в пастельную картинку фломастерами. Девушка показалась Арине смутно знакомой. Все здесь казалось ей смутно знакомым. Рыжеволосая вскрикнула и неловко опустилась на палубу, но быстро вскочила в попытке скрыть следы своего падения как нечто неприличное, за гранью этикета – позорное.

Как я сюда попала?

Этого Арина не смогла вспомнить. Никогда бы она по доброй воле не зашла на этот корабль, не дала бы утянуть себя в открытый океан, полный темной воды. Но память отказывала ей, и прошлое растворялось в темных кругах на воде. Она с трудом помнила, кто она. Собственное имя застряло у нее где-то в глубинах сознания, сплетая тугую косу из слов, не имеющих одно к другому никакого отношения. Белоснежка. Нет, Арина. Нет, Белоснежка. Я люблю тебя. Самолет прилетает через полчаса. Горячий чай. Рыжие волосы и темные глаза. Ветер такой холодный, что пронизывает насквозь. Может ли она находиться в двух местах сразу? Может ли ей быть одновременно и жарко, и холодно?

Максим!

Она тут же вспомнила его лицо, и ей пришлось изо всей силы вцепиться в поручни, чтобы не упасть. Корабль накренился. Арина крепко зажмурилась и попыталась сосредоточить мысли на красивом, чуть заросшем щетиной лице, на внимательных серых глазах, на темной взлохмаченной гриве волос. Она видит, как сильно он чем-то встревожен и хочет ей что-то сказать. Но она не желает ничего ни слышать, ни знать, и все, чего она хочет – это чтобы он поцеловал ее. Чтобы взял ее за руку и увел за закрытые двери, где она снова оказалась бы в его власти. С того момента как она впервые увидела это серьезное не улыбочивое лицо на обороте брошюры фотовыставки «Ненависть»,

она уже не могла жить без огня его глаз и без этих сильных рук, от прикосновения которых в глубине ее тела разгорался пожар. На той фотографии его лицо будто выступало из лазурной бездны океанской воды. Теперь в эту бездну погружалась она.

Арина заметила, как несколько официантов сгрудились вокруг Рыжеволосой, а та обернулась, посмотрела ей прямо в глаза и вдруг... рассмеялась, скинула с себя платье и осталась обнаженной, бесстыдной. Она стояла, чуть расставив ноги, и вызывающе смотрела на Арину, и та невольно густо покраснела, увидев родинку над полоской рыжих волос на лобке.

Кларисса. Кларисса. Рыжую зовут Клариссой. У нее тонкие пальцы, певучий английский акцент, добрая улыбка и нож в руке за спиной. Фотографии. Арина стоит в длинном белом коридоре, по обе стороны от нее – двери, много дверей, но все они закрыты. Стены бесконечного коридора увешаны ее фотографиями. Их сделал Максим, а Кларисса выставила в витрине своей галереи.

Вспомнила.

Они были знакомы в другой жизни. Кажется, Максим ее тоже любил, но все это уже не важно. Вся эта публика в роскошных вечерних платьях, с коктейлями в холеных руках – все они вдруг обнажились и сплелись в один змеиный клубок нагих тел и сцепленных рук, упругих грудей, ждущих прикосновений и обнаженных эрегированных членов. Древнеримская оргия, пылающие огнем глаза близнецов-официантов, каждый из которых вдруг начал отдаленно напоминать ей Максима. Рыжеволосая Кларисса, не сводя с нее взгляда, вдруг извернулась и оседлала официанта в ливрее.

Кларисса улыбалась, наблюдая за ее смущением, и улыбка была порочной. А когда член официанта проскользнул внутрь гибкого, пластичного тела Клариссы, она изогнулась и с наслаждением простонала, но глаза ее оставались прикованными к Арине. В ту же секунду другой официант с тем же пугающе невозмутимым выражением лица подошел к Клариссе и наклонил ее, надавив рукой на плечо. Она подалась вперед, игриво улыбаясь Арине, и второй член с усилием вошел в готовое, не сопротивляющееся вторжению отверстие сзади. Кларисса ахнула и прикрыла лицо ладонью, закатила глаза, глумясь над пунцовой от стыда Ариной. Затем чуть опустила лицо и подмигнула Арине, в то время как двое мужчин-близнецов стали двигаться резко, ритмично и слаженно, с двух сторон овладевая ее жадным до плотской любви телом.

А дальше в игру вступил третий официант. Он расстегнул ширинку белоснежных брюк и приблизил к улыбающемуся рту Рыжеволосой напряженный, пульсирующий от возбуждения член.

– М-м-м, я всегда хотела, чтобы его было трое, – пробормотала Кларисса и широко открыла рот, готовая принять предложенное ей лакомство. Арина, озираясь, забилась в панике. Ее охватил страх. Она заметила, как солнечный свет удаляется, меркнет. Медленно возносится вверх по мере того, как их всех накрывает темнеющая синяя толща воды. С ледяным ужасом Арина понимает, что все они уже на дне, и она стоит среди гогочущей толпы голых людей. Глаза их пылают красным, а самое страшное, что она, Арина, стоит здесь так же бесстыдно, и что она тоже обнажена, и руки ее связаны за спиной лентой от кухонных занавесок. И она ждет его, и хочет его, и не может без него жить. Ее любовник.

Ее любовь.

Темная вода была живым существом, чудовищем, изголодавшимся в ожидании новых развлечений и своей новой любовницы, ненасытная и готовая поглотить ее целиком, без остатка, и удержать в темной стылой пучине навеки. Арина закричала, но крик ее не пробивался сквозь бесконечную мощь воды.

\* \* \*

Она проснулась внезапно, разбуженная собственным криком. Вокруг было темно, и Арина не сразу поняла, что сон сменился явью и что темнота эта – часть реальности, а не продолжение чудовищного кошмара, из которого она уже не надеялась вырваться. Тяжело дыша, она резко села, и только несколько секунд спустя смогла осознать, что да, это не корабль-призрак, а она больше не обнажена и не в воде. Она на кровати, и на ней какая-то длинная, не по размеру большая футболка, но чья она и как на ней оказалась – неясно. Трусики тоже на месте. Жарко. Она лежит на кровати во тьме, что тоже странно. Никакого света, ни окон, ни дверей, ни занавесок, из-под которых могли бы пробиваться лучи уличных фонарей.

Словно это все же продолжение сна.

Она ощупала кровать рядом с собой. Ничего особенного – и ничего, что могло бы ей дать хоть какую-то информацию. Впрочем, кровать большая, двуспальная, с хорошим матрасом. Простыни еще горячие от ее тела. Наверное, у нее жар. Взмокшие волосы налипли на лоб и лицо, и пришлось несколько раз провести по щекам руками, чтобы убрать их. Одежда тяжелое, пуховое. Стена у изголовья на ощупь странная, словно пластиковая. Возле кровати тумбочка, и – о, спасибо! – на стене закреплен светильник. Арина щелкнула выключателем и с изумлением оглядела небольшую, не знакомую ей комнату. Ее внимание привлекло овальное оконце, прикрытое пластиковой шторкой.

Она в самолете!

Холодный ужас снова схватил ей горло, и воспоминания вырвались из сознания. Вчерашний день, Ричард и его темные глаза, исполненные предательства. Аркадий, подающий ей руку, галантный дядюшка-дьявол. Арина вскочила и огляделась, пытаясь унять панику, подавить рвущийся из горла крик.

Как она сюда попала? Неужели та ночь все еще продолжается? Это невозможно. Они опоили ее чем-то и выкрали, они легко могли продержать ее в бессознательном состоянии несколько дней. Странно, что они попросту не убили ее. Она зачем-то была им нужна, и они переодели ее в чью-то футболку и уложили спать. Арина содрогнулась и скривилась от отвращения при мысли, что дядюшка-дьявол к ней прикасался. Возможно, нес ее на руках, бесчувственную, переодевал. Бог знает, что еще он мог сотворить с ней. Он способен на все.

Торопливо обследовав тело, Арина не нашла никаких подозрительных следов, если не считать пары синяков и темных следов на запястьях, но это было – другое. Максим! Его имя вспыхнуло в памяти одновременно с целым ворохом воспоминаний, и злые, безразличные лица из ее сна рассеялись. Максим ищет ее, а на ее руках – следы их с Максимом любви, их горячей, сумасшедшей схватки, в огне которой ни он, ни она не могли отличить огня от воды, а боли от наслаждения. И ни один не мог и не хотел сказать «стоп».

Это была их любовь, их маленькая бесконечность.

Арина прикусила губу, чтобы не закричать. Если они держат ее здесь, то лишь затем, чтобы шантажировать Максима. Он любит ее, и эта мысль наполняет все

ее тело счастьем. Он любит ее, и это бесит дядюшку-дьявола. Быть может, они шантажируют его прямо сейчас, требуя ради сохранения ее жизни пойти на жертвы, на которые он пойти не должен и не сможет. Чего они могут потребовать от него? Навсегда покинуть Россию? Навсегда оставить ее, Арину? Навсегда забыть, чье лицо снится Максиму каждый раз, стоит ему уснуть на ровной мягкой постели?

Тишина. Подозрительная тишина. Самолет стоял, а не летел. Она бы услышала гул, избавиться от которого было бы невозможно, сколь бы хорошей ни была звукоизоляция. Они что, просто оставили ее одну в самолете, в спальне? Арина бросилась к иллюминатору, открыла пластиковую створку и прижалась горячим лбом к холодному стеклу. За окном была ночь, и шел дождь. Все, что она увидела – это что они стоят на асфальтовой убегающей вдаль дорожке и что рядом с ними стоят еще два самолета. Частных самолета. Она вспомнила и вензель клана Коршуновых. Значит, она снова попала на тот самолет, сейчас – на правах пленницы. Когда человека нельзя купить, его можно убить.

В нерешительности Арина встала и прошлась из угла в угол. Мысли скакали как бешеные, отказываясь принять факт, что сопротивляться бессмысленно. Иллюминатор слишком мал, но даже если бы она умудрилась протиснуться сквозь овальное отверстие, ей никогда не выбить стекла. Полнейшая беспомощность. Не та беспомощность, когда ты покорно подставляешь свои руки, позволяешь любимому стянуть запястья ремнем, привязать тебя к креслу... Беспомощность отчаяния, в которой нет ничего, кроме желания выжить, найти выход там, где его нет и быть не может.

Все кончилось разом – время вышло, двигатели завелись с громким гулом. От неожиданности Арина вскрикнула, но ее крик потонул в шуме моторов. Они улетають. Куда? Куда бы они ни направлялись, выбраться оттуда будет куда сложнее, чем отсюда. Каким-то шестым чувством Арина была уверена, что они в Москве. Какой-то аэропорт. Какой? Она знала только Шереметьево и Домодедово. Куда они приземляются обычно? Она приземлялась только в Хитроу и в Санкт-Петербурге.

Взгляд ее наткнулся на небольшую изящную вазу с живым цветком – эту красную розу поначалу она не заметила. Ваза была легкая, длинная, тонкая, предназначенная вместить только один цветок. Арина выкинула розу на пол, вылила воду на ковер, схватилась поудобнее за нижнюю часть вазы и огляделась.

Она слышала о «розочке» от подруги Нелли, но никогда за все двадцать лет своей жизни ей не приходилось воспользоваться этим «оружием пролетариата» для защиты. И уж тем более для нападения. Рука дрожала, но Арина заставила себя успокоиться, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, подошла к стене возле иллюминатора и ощупала угол тумбочки у кровати.

Р-р-р-аз!

Что было силы она шарахнула вазой о край тумбочки – и вскрикнула от боли в предплечье. Ваза разбилась, звон стекла могли услышать, но разве теперь это было важно. Арина подавила крик. Ваза разбилась точно так, как она и хотела. Кривой рваный стеклянный край выдавался по одной стороне, но держаться за донышко было удобно.

Разве можно с этим идти туда?

Арина вздрогнула, и паника, как темная вода, накрыла ее с головой. Что это будет – одна хрупкая, тонкая девушка в трусах и футболке против всего мира? Арина прижалась спиной к стенке у двери.

Два!

Она крепко ухватилась одной рукой за осколок вазы, другой – за дверную ручку. Вполне возможно и даже наиболее вероятно, что дверь заперта. Арина осторожно нажала на ручку, и та, к ее удивлению, поддалась, раскрывая перед ней узкую, плохо освещенную полосу центрального салона. Ковер, светильники по стенам. Приглушенные голоса где-то дальше, за пределами видимости. Арина сделала глубокий вдох и распахнула дверь.

Три!

Аккуратно переступая по ковру с бесшумностью кошки, она выбралась в холл. Пахло чем-то жареным, какой-то едой. Арина пересекла коридор и прижалась спиной к противоположной стене. Если ей повезет, она доберется незамеченной до круглой тяжелой двери. Как они ее называют? Люк?

Четыре!



Перебраться через гостиную, где дядюшка-дьявол и Ричард «Гнилое Сердце» обедают ее будущим. Или, скорее, ужинают. Арина перегнулась через угол и бросила короткий взгляд на зал. Стол действительно стоял там же, где она его помнила, но за ним никого не было. Пустые тарелки, миска с хлебом, но, к сожалению, никаких приборов. Ни вилок, ни ножей, даже столовых. Арина огляделась, пытаясь вспомнить, какая из дверей-люков открывалась, когда она заходила на борт этого самолета в прошлый раз. Из холла шли четыре коридора. Два – в сторону спальни комнаты и еще одной, где сидели они с Максимом. Еще два – за ее спиной – как раз вели к выходам. Она повернула голову и уже совсем было решила двигаться дальше, как вдруг заметила чью-то тень в глубине коридора. Она вернулась обратно к столу, но убежать не успела.

– Я же сказал, что она проснулась, – услышала Арина голос у себя за спиной. Спокойный, с легкой хрипотцой – голос уверенного в себе человека. Арине не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это он. Аркадий, дядюшка-дьявол, смотрел на Арину и улыбался. Она видела эту его ледяную улыбку – улыбку убийцы – во время его короткого, омерзительного визита в квартиру на набережной. Она чувствовала ее и сейчас. Она не оборачивалась и не шевелилась, прижимая свою жалкую «розочку» к животу в слепой наивной надежде, что он ее не заметит.

– Арина, как вы себя чувствуете? – Второй голос прозвучал откуда-то сбоку. – Вам надо лежать.

– Ричард! Какой приятный сюрприз! – по возможности нейтрально произнесла Арина. – И ты здесь. Чаю мне предложишь?

– Нам надо поговорить, – строго оборвал ее саркастический монолог Аркадий. – Арина Петровна...

– Пять! – пробормотала она.

– Что? – нахмурился Аркадий, но Арина уже бросилась ему навстречу, а когда он попытался остановить ее, она резко выбросила вперед руку с битой «розочкой». Рваный край стекла столкнулся с чем-то упругим, и раздался крик. Рука Аркадия скользнула по ее бедру, так и не ухватив его. Пролетев мимо дядюшки-дьявола,

Арина бросилась к люку, отметив краем сознания фигурку стюардессы чуть в глубине. Сердце Арины билось как сумасшедшее. Еще пара шагов, один рывок рычага – на себя, как изображено на схеме, – и она на свободе. Там, в темноте ночи, под холодным дождем, в неизвестности и полнейшей неопределенности.

Куда лучше, чем то, что сейчас.

– Стойте! Ричард, держи ее! Вот черт, она мне руку разрезала, фурия! – Все эти крики словно отошли на задний план или даже в параллельный мир, а ее реальность свелась в одну пульсирующую точку. Арина дергала на себя рычаг, но это было невыносимо трудно, рычаг не поддавался. Одной рукой ей это не сделать, но в другой у нее оружие. Она услышала чьи-то шаги и отпустила рычаг, обернулась на звук. Растрепанный, одетый до нелепого небрежно Ричард таранился на нее. Она сжалась и выставила «розочку» рваным краем вперед, перед собой.

– О господи! Айрин, не надо! – Ричард замер перед этой совершенно невероятной Ариной – дикой, с длинными голыми ногами, с окровавленной стекляшкой в руках.

– Не приближайся! Убью! – Арина сделала выпад, размахисто полоснув «розочкой» воздух перед собой.

– Боже мой! – обморочно прошептал Ричард. – Что с вами сделано!

– Выпусти меня. Выпусти, сволочь! – Как могла, Арина снова повисла на рычаге, и на этот раз он поддался под тяжестью то ли ее веса, то ли ее отчаяния. Дверь разомкнулась. Холодный и влажный ветер ворвался в салон, свежий ветер надежды. И тут Арина заметила Аркадия, тот появился в проеме, держа большой блестящий пистолет окровавленной рукой.

– Бросайте вашу резалку, – зло процедил он. Арина смотрела на узкую полосу, отделявшую ее от призрачной свободы.

– Не надо проблема, – сипло прошелестел Ричард самым мягким тоном, на какой был способен.

– Нынешние джентльмены пробавляются предательством? – скривилась Арина и раскрыла дверь шире.

– Не дурите. Без трапа вы упадете и разобьетесь.

– Но вы же все равно хотите меня застрелить, так что какая вам разница, – резонно возразила Арина и раскрыла люк еще шире. Аркадий подался было вперед, но остановился, изумленно наблюдая за тем, как Арина балансирует голыми ступнями на краю открытого люка. Это было глупо. Конечно, глупо было бы ожидать, что с той стороны двери окажется трап, но Арина об этом не думала. Она обернулась. Где-то внизу, прямо под ней чернел мокрый асфальт. Неужели же это конец? Сдаться? Ни за что. Прыгнуть? Что это изменит?

– Я совсем не хочу застрелить вас. – Аркадий говорил медленно и спокойно, словно боясь звуком голоса столкнуть ее вниз. Почему он волнуется за нее?

– А зачем же вам пистолет? – едко спросила она.

– Затем, что между нами возникло недопонимание, – проговорил он. – С самого начала. И теперь нужно его устранить.

– Что здесь происходит, вашу мать?! – Услышав этот голос, такой знакомый, с изрядной долей холодного бешенства и обжигающей ярости, Арина вздрогнула. Откуда здесь Максим? Она не могла поверить ушам, но вот и он сам появился из-за двери кабины пилота.

– Максим! – Арина почувствовала, как у нее закружилась голова. Он здесь.

– Арина!

– Ты жив! – что бы там ни было, он цел и невредим, он здесь и смотрит на нее. Все ужасы, державшие ее в агонии последние дни, отступили и рассеялись, как призрачный дым пустых снов.

– Ну что, хоть теперь вы готовы отойти от двери? – спросил Аркадий. Арина замерла в нерешительности, затем сделала шаг вперед. В этот момент сильный

порыв ветра ударил ей в спину, и она не удержалась на скользком, мокром от дождя крае.

2

Большие деньги никому не достаются сами собой. Что-то должно быть принесено в жертву. Обычно люди, не задумываясь, кладут на алтарь совесть и уважение к себе. Иногда приходится расставаться с человечностью. Кровь с рук легче всего смывается нежным мылом с добавлением увлажняющего крема, и после всегда можно объяснить себе, почему никак нельзя было поступить иначе.

Долгое время Ричард находил способ договориться с собой, делая вид, что приносимые им жертвы совсем незначительны. Сначала он говорил себе – ничего, ведь я делаю это ради семьи. Ради будущего сумасшедшей, прекрасной, своевольной Клариссы. Ради нашего доброго имени, ради изысканных приемов, улыбающихся людей в вечерних нарядах, ради тихих приятных разговоров под классическую фортепьянную музыку. И как можно остаться без тихого, утопающего в зелени домика в центре Лондона – их фамильного гнезда? Ферма не приносила дохода, но приносила умиротворение. И потом, эти налоги все равно кто-нибудь бы украл. Эти русские никогда не пускают налоги на те цели, для которых они предназначены. Русские деньги на оплату английской щепетильности. Да, Ричард был весьма щепетилен во всем, кроме чести.

Но, в конце концов, он же пока никого не убил.

Но за доли секунды, пока, соскользнув, ступня Арины слетала в чернеющую пустоту за бортом самолета, Ричард вдруг с неожиданной ясностью осознал, насколько это не так. Если на его глазах синеглазая девочка с полуобморочным от страха лицом рухнет вниз, на асфальт с высоты самолета, стоящего на приколе, это будет прямым следствием его, Ричарда, действий.

Это будет его вина. Его руки уже немножко в крови, а он только и делает, что натягивает на липкие пальцы темные кожаные перчатки, доставшиеся ему

в наследство от деда – аристократа и любителя охоты на лис.

– Стой! – крик вырвался из его груди, и тело само собой, без каких-либо команд мозга, бросилось к дверному проему. Он швырнул себя к ней, успев ухватить за футболку. Секундой позже – и хрупкая фигурка исчезла бы в проеме.

– Вот черт! – Максим подоспел вторым, он подхватил Арину под руки, обнял за спину и резким, довольно болезненным рывком втащил обратно. Все трое повалились на пол, прямо под ноги изумленной стюардессе Элечке и остолбеневшему Аркадию. Несколько мгновений все оставались неподвижными. Арина лежала, не шевелясь и закрыв глаза. Холодные капли дождя еще ощущались на ее щиколотках, на предплечьях. Запоздалая реакция, адреналин в ее крови вызвал неконтролируемую дрожь в руках.

– Что ты творишь! – Голос принадлежал Максиму. Арина попыталась вдохнуть, но это было сложно. Чье-то тяжелое тело придавило ей грудь. Затем она почувствовала, как давление ослабевает.

– Вы порядке, Айрин? – тихо спросил Ричард, и его ладонь легла ей на запястье. Она молча покачала головой, не открывая глаз.

– Отойди ты от нее. Господи, Аркадий, пистолет? Ты с ума сошел?

– Я говорил, надо было ее запереть и кого-то к ней приставить. – Голос Аркадия звучал на удивление мирно, он словно оправдывался перед Максимом, чей тон был куда горячее. Максим Коршунов был в бешенстве. Мужчина, появление которого в жизни Арины изменило все безвозвратно и навсегда, был в такой ярости, какую Арина еще не видела. А уж она повидала его настроений. Арина открыла глаза и увидела его лицо, склоненное над ней. Он обеспокоен, небрит, у него усталые глаза. Самые красивые глаза на свете.

– Максим, – пробормотала Арина и слабо улыбнулась.

– Ты цела? Ты уверена, что цела? – бормотал он, деловито ощупывая ее суставы. – Что это за синяк?

– Это же мы с тобой... – начала Арина фразу, но не закончила. Максим кивнул и еле заметно улыбнулся. Арина судорожно сглотнула, облизала сухие губы и покраснела, заметив, что лежит тут, на полу, почти голая.

– Что у тебя болит, скажи?

– Максим, давай перенесем ее обратно. Пора взлетать, – негромко сказал Аркадий.

– Взлетать? Куда? – встрепелась Арина, но Максим лишь покачал головой.

– Ни о чем не думай, ты теперь со мной, и тебе ничто не угрожает.

– Он мне угрожает! – воскликнула Арина, кивая в сторону Аркадия. – Он только что грозился меня убить.

– Как я уже сказал, в мои намерения никак не входило вас застрелить, Арина Петровна. Но что еще я мог сделать, чтобы не дать вам выпрыгнуть из самолета на асфальт? – В интонациях дядюшки-дьявола Арине отчетливо слышалось раздражение.

– Тыкать в мою невесту пистолетом – это единственное, что пришло в твою голову? – воскликнул Максим, поднимая Арину на руки. Аркадий растерянно развел руками, фыркнул и ушел по коридору. Максим нежно прижал Арину к себе и пошел в сторону спальни. Элечка пожала плечами и вернулась к своим предполетным обязанностям. В первую очередь она закрыла люк.

Арина лежала в объятиях Максима, человека, ради которого она была готова на все или почти на все, но понять, что происходит, она никак не могла. Однако знакомый, сводящий с ума запах Максима, его растрепанные волосы так близко, что щекочат ее лицо. К черту вопросы, голова кружится, и единственное, чего хочется в такой момент, это забросить обе руки ему за шею и прижаться носом к его рубашке, уткнуться в разрез, где расстегнута пуговица, и забыть обо всем.

– Ты получил мое письмо? Они заманили тебя на самолет? Твой дядя убил...

– Ш-ш-ш, – Максим покачал головой и нежно поцеловал Арину в губы. – Тебе нужно поесть. Все хорошо.

– Ничего подобного, – не выдержала Арина. – Как ты можешь так говорить. Ричард опоил меня и сдал твоему дядюшке... Он предал меня.

– Он никого не предавал. – Губы Максима сжались. Он опустил Арину на кровать в спальне, из которой несколько минут назад она так стремилась выбраться. Его руки стали жестче, и скулы свело от напряжения. Арина заметила это – она так хорошо знала его лицо, каждый оттенок его грусти, раздражения, возбуждения. Особенно возбуждения, конечно. Больше всего она любила смотреть на его горящие от первобытной жажды глаза, когда все черты лица ожесточались, а в руках появлялась твердость и даже грубость. Но сейчас его что-то тревожило, и что-то новое появилось в его глазах.

– Ты хочешь сказать, что я все придумала? – возмущенно пробормотала Арина, заматываясь в одеяло. Она и не обратила внимания, как она продрогла, дрожь так и бьет ее. – Что я наговариваю на Ричарда? Что делает тебя таким слепым? Что они тебе сказали? Ты прочитал мое письмо?

– Это просто невыносимо! – крикнул Максим. – Я не могу жить, зная, что тебе что-то угрожает. Как ты могла?

– Что я могла? – ахнула Арина, растерявшись. Максим наклонился и сорвал с нее одеяло.

– Как ты могла ничего мне не сказать? Как я вообще могу тебе теперь верить, если в любую минуту ты способна выкинуть любой трюк и НИЧЕГО МНЕ НЕ СКАЗАТЬ! – Максим раскрыл шкаф, который, оказывается, имелся в стене спальни, невидимый для тех, кто о нем не знает, и бросил на кровать какую-то одежду. Темно-серый кардиган из кашемира, песочного цвета водолазка, длинная бежевая юбка-карандаш. Изящный и очень уютный комплект, который кто-то подбирал с явной заботой, вкладывая вкус и старание. Все вещи были новыми, еще с бирками. Размер Аринин. Они купили их для нее? Зачем? И когда успели? – Одевайся.

– Твой дядюшка угрожал убить моих родителей! – ядовито прошипела Арина, протягивая руки к вещам. Все лучше, чем бегать по самолету полуголой, хотя

она и предпочла бы простые джинсы и свитер. Очень может быть, что в этом шкафу и есть такой комплект, но Максим, разумеется, всегда выберет узкую женственную юбку. Он ненавидит джинсы, хотя сам таскает их постоянно.

– Я его убью, – покачал головой Максим.

– Если успеешь, – хмыкнула Арина, натягивая водолазку. – Пистолет-то у него.

– Я думал, что умру, когда не нашел тебя дома. Ты что, всерьез собиралась уйти от меня? – Максим спросил наконец о том, что беспокоило его больше всего с тех пор, как Аркадий рассказал ему, что случилось. В самом страшном кошмаре Максим не мог представить себе, какая игра разворачивается за его спиной, а ведь он знал толк в кошмарах.

– Я не знала, что делать.

– Ты должна была прийти ко мне! – прошептал он, и Арина с ужасом отметила горечь в его голосе. Да, именно так она и должна была поступить. Он любит ее, и он бы придумал, как справиться с ситуацией. Сейчас это казалось ей совершенно очевидным и ясным, но тогда все менялось так стремительно и так ужасно.

– Ты прав, да, – вздохнула Арина.

– Я прав. И я очень зол! И не знаю, что мне делать со всей этой яростью. Мне хочется запереть тебя до конца твоей жизни в моей квартире, держать тебя прикованной к батарее. Жениться на тебе, не расстегивая наручников.

– Звучит неплохо, – еле заметно улыбнулась Арина. Максим застыл, качая головой, словно бы имел дело с неразумным и совсем уж отбившимся от рук ребенком.

– Что ты со мной делаешь, Белоснежка. Да, и не смотри на меня так, сегодня я больше всего хочу, чтобы тебе было больно. Белоснежка! Ты оделась? Идем, нас ждет ужин. Впрочем, кто ужинает ночью! – Максим глядел на высокую стройную девушку в узкой юбке, облегающей ее длинные ноги. Затем махнул на нее рукой и выскочил из комнаты, оставив дверь за собой распахнутой. Арина



осталась одна. Звуки разогреваемых моторов внезапно начали нарастать, и она почувствовала, что самолет двинулся с места. Куда они летят, и что будет с ними дальше? На этот раз она умудрилась разозлить Максима всерьез. Сможет ли он простить ее? А ведь он сделал ей предложение! И все могло бы быть таким сказочно прекрасным, счастливое будущее казалось таким близким и возможным, оно было всего в одном повороте от них, на маленькой улочке старой Москвы, где-нибудь на мансардном этаже старого дома с привидениями.

Привидений им хватает и так.

Арина вздохнула и расправила юбку. Она сделала пару шагов к выходу, когда разгоряченный и все еще злой Максим влетел обратно к ней в комнату, схватил ее за руки, крепко сжал их и завел ей за спину.

– Молчи, – скомандовал он, и его властные руки крепко сжали ее тело. Максим прижал ее к себе и впился в ее губы своим горячим ртом. Это было больше похоже на бой, на агрессивную атаку, сопротивляться которой было бы невозможно. Языком он заставил ее раскрыть губы, провел им по ее зубам.

– Шире, – прошептал он, и Арина послушно открыла рот, изогнувшись навстречу его требовательным губам. Она прикоснулась языком к его жадному языку и нежно провела по его краю, добившись ответного стона. Он вздрогнул и судорожно выдохнул, а затем прикусил Арине верхнюю губу – до боли, так, что она вскрикнула.

– Это только начало, – пообещал он и тут же отпустил ее, взял в руки ее ладонь и повел ее в холл – ошеломленную и растерянную, все еще дрожащую всем телом от этого поцелуя. Смутная угроза, прозвучавшая в его словах, одновременно и пугала, и вызывала ее жгучий интерес. Главное, он рядом. Никаких игр, она принадлежит ему, ее тело, ее улыбка, ее мысли и мечты. Они стали единым целым, и даже в те моменты, когда Максим опасен и мысли его темные, как вода в реке, она не станет отступать назад. Слишком поздно для этого.

– Я люблю тебя, – прошептала она так тихо, что было странно, что Максим услышал ее. Но он услышал и остановился, повернулся к ней и нахмурился.

– Ты выйдешь за меня замуж? – спросил он так, словно требовал от нее чего-то ужасного, невыполнимого.

– Конечно, – кивнула Арина. – Я уже давно твоя.

Их взгляды встретились, и Арина с огорчением заметила темные круги у него под глазами. Кто знает, что ему пришлось пережить. Она не хочет расстраивать его еще больше, но все же... ей совершенно необходимо понять, что происходит. Она не позволит никому держать себя в неведении. Даже своего будущего мужа.

Когда Максим и Арина вернулись в обеденный зал, самолет уже был в воздухе. Арина с удивлением отметила, что и не заметила, когда это произошло. Возможно, в тот момент, когда Максим поцеловал ее. Турбулентность во время этого поцелуя была такой, что Арина бы не заметила, если бы произошло землетрясение. Но теперь самолет набирал высоту, от чего немного сложно было удерживать равновесие, что, впрочем, никак не отразилось на действиях Эльвиры. Она подавала на стол то ли поздний ужин, то ли ранний завтрак. В темные иллюминаторы били яростные капли тяжелого проливного дождя.

– Ты правда им веришь? – спросила Арина у Максима. Ей было неприятно, что Аркадий и Ричард спокойно сидели за красиво сервированным столом в ожидании того, что Максим и Арина присоединятся к ним, и она бы предпочла не говорить с ними и не смотреть на них. Но это было затруднительно.

– Как ваш самочувствий? – спросил Ричард с таким искренним волнением, что Арина растерялась. Что ей делать? Ведь в конце концов он спас ей если не жизнь, то пару переломанных рук и ног – это точно. Он бросился к ней, чтобы вытащить из дверного проема, зная, что может и сам сорваться вниз. Арине с самого начала было трудно думать о Ричарде как о предателе и злодее, а этот его поступок только усложнял дело.

– Плохо, – с вызовом ответила она. – Вашими стараниями. Зачем я здесь?

– Чтобы спасти вас, Арина Петровна, – ответил Аркадий за Ричарда. Арина позволила ему усадить себя за стол, развернула изящную хлопковую салфетку и нарочито чопорным жестом положила ее себе на колени.

– Интересная концепция. Я буквально пропиталась доверием. Одна проблема – от кого же меня спасать, кроме вас самих? Я определенно соглашусь, что вы весьма опасны и я нуждаюсь в защите.

Аркадий проигнорировал Ариныны слова, он сел напротив нее, легким взмахом расправил свою салфетку и тоже положил ее на колени. Максим грустно смотрел на все происходящее и молчал. Он понимал, что у Арины были все основания злиться и не доверять ни одному из них. Эльвира протянула Арине меню, пробормотав что-то насчет суфле, которое сегодня особенно удалось.

– Суфле? Отлично! Ричард уже подсыпал туда что-нибудь? – спросила Арина весело, протянув руки к бокалу, пока что пустому. – Я бы выпила чего-нибудь... бодрящего. После снотворного не помешает.

– Мы сделали все, чтобы обезопасить вас, – спокойно продолжил Аркадий, хотя Арина видела, как пульсирует жилка у него на виске и как напряжена челюсть.

– Вы могла довериться нам, Айрин, – заверил ее Ричард, молчавший до этого.

– Странно, Ричард. Странно, что вы ждете от меня доверия, после того как пытались меня отравить, вместо того чтобы поговорить со мной. И вы, уважаемый Аркадий, как можете ждать от меня доверия после того, что вы сказали мне у нас дома, – разозлилась Арина. – Помните, как вы сказали, что Максим, конечно, будет расстроен, если со мной что-то случится, но... люди ведь пропадают каждый день. Так вы сказали?

Арина бросила короткий взгляд на Максима, лицо которого побелело. Кажется, он слушал и не верил своим ушам. Что ж, мой дорогой рыцарь, возможно, ты не знаешь по-настоящему, на кого ты полагаешься и кому доверяешься. То, что ты знаешь кого-то с самого детства, еще не делает его хорошим человеком.

– Я ошибался, – пробормотал Аркадий после долгой паузы.

– В чем именно вы ошибались? В том, что предложили мне за то, что я оставлю Максима, двести тысяч долларов? Или в том, каким тоном – каким омерзительным ледяным тоном – вы спросили меня, достаточно ли я люблю своих родителей, и попросили меня стараться сильнее в постели, чтобы

побыстрее наскучить Максиму? – Арина вскочила, отбросила на пол салфетку. – В сексуальном смысле наскучить. Так вы видите его, так вы видите меня, так вы видите всех!

– Арина, господи, – подскочил к ней Максим, но она лишь махнула рукой, останавливая его порыв.

– Или вы жалеете о том, как скрутили мне руки, швырнули на стену, а потом стащили с меня одежду, чтобы убедиться в чем-то, о чем вы не имеете ни малейшего представления!

– Что-о! – Максим пнул стул на своем пути и бросился на Аркадия. Ричард тоже стоял побледневший, безмолвный, словно впал в ступор. Аркадий остался сидеть и не попытался сопротивляться, когда Максим стащил его на пол и принялся трясти. Он мог бы сопротивляться, но не хотел.

– Как ты мог! Как ты посмел! – кипел гневом Максим, впечатывая жилистое тело дядюшки в шелковый ковер. Арина спокойно посмотрела на эту сцену и вернулась на прежнее место, к столу, не забыв о салфетке.

– Что там насчет суфле? – спросила она у Эльвиры. Максим отпустил Аркадия и изумленно посмотрел на Арину. Эльвира побежала выполнять просьбу.

### 3

Это было похоже на игру в мафию, они сидели за столом, перед каждым стояла дымящаяся чашка кофе, каждый выбрал себе пирожное, но никто и пальцем не прикасался к еде. Ричард смотрел на Арину и думал о том, насколько бы жизнь была лучше для них обоих, если бы она полюбила его, а не Максима. Теперь он страшно жалел, что не настоял на том, чтобы Арина осталась с ним в Лондоне. Тогда, в то злополучное утро, когда Арина с трудом выбралась с горианской вечеринки, напуганная, в изорванной одежде, – почему он не увез ее к себе за город, не настоял на том, чтобы спрятать ее на время?

Если бы он был более решительным, они все, возможно, не сидели бы сейчас за этим столом.

Если бы он пошел против Максима Коршунова, теперь, возможно, ему не пришлось бы идти против Константина. При мысли, что может сделать с ними Коршунов, кровь стыла в жилах Ричарда. Константин Коршунов, надежный деловой партнер и самый опасный человек, которого он знал. И вот Ричард сидит в самолете и обсуждает с его сыном дела, которые ой как не понравятся отцу.

Аркадий смотрел на Арину и думал, как мог он так недооценивать эту хрупкую синеглазую принцессу, которая бросилась на него с «розочкой», нисколько не страшась последствий. Изящная юная девочка, в которой таится огромная сила. Как так случилось, что Максим разглядел это в ней? Каким чудом они оказались вместе? Чудом или, может быть, лучше сказать, промыслом Божиим?

Максим смотрел на Арину и любовался ярким огнем ее синих глаз. Она здесь, с ним, и он никогда ее не отпустит больше. Она принадлежит ему, а он – ей. И это понимание было так странно, так ново. Жизнь, не имевшая никакого смысла, вдруг наполнилась им. Быть с ней. Смотреть на нее. Завтракать на террасах, глядя на рассветы, ужинать в маленьких уютных ресторанах. Долгие ленивые разговоры в постели после неторопливых, томных занятий любовью.

Арина смотрела на трех мужчин, сидящих вокруг стола, и думала о том, как трудно поймать черную кошку в темной комнате. Особенно если ее там нет.

Эльвиру услали в кабину пилота и попросили не выходить оттуда до приказа. Она чуть склонила голову в знак согласия и быстро ушла, прикрыв за собой дверь. Аркадий встал и запер дверь в столовую на замок. Теперь они сидели – четыре человека, сверлящих друг друга взглядами. Кто же убийца? Кто вор? На ком шапка горит?

– Вы хотите, чтобы я поверила вам после всего, что произошло? – произнесла наконец Арина. – Не вижу для этого повода.

– Как насчет того, что вы сидите здесь, на нашем самолете, живая и невредимая, и Максим тоже сидит здесь, и он тоже цел и невредим. Если уж начистоту, единственный, кому серьезно досталось – я, – воскликнул Аркадий, прикладывая белоснежный платок к кровоточащей руке. – Неужели этого не достаточно для начала?

– Вы смотрите на это так? – процедила Арина. – А я считаю, что вы удерживаете нас тут помимо нашей воли. Возможно, как инструмент шантажа в ваших играх с отцом Максима.

– С отцом Максима, – повторил Аркадий. – Давайте начнем с начала. Каким же образом я вас удерживаю? Идите на все четыре стороны! Я пытаюсь вас защитить от отца Максима.

– И как я могу в этом убедиться? Выйти из самолета, который находится в воздухе? Некоторое время назад, когда я попыталась выбраться из самолета, вы нацелили на меня пистолет.

– Незаряженный, – возразил Аркадий.

– Еще одна вещь, которую я никак не смогу проверить, ибо пользоваться пистолетами не умею, – усмехнулась Арина.

– И подтверждение Максима вас не убедит?

– А он пока ничего не подтвердил. Был занят, протирая вами ковер.

– Так, достаточно! – Аркадий резким движением отодвинул от себя тарелку с десертом и посмотрел на Максима. – Расскажи ей.

Максим развернулся к Арине и взял ее ладони в свои. Арина посмотрела на него растерянно и сердито. Неужели он собирается защищать этого ублюдка? Не важно, что он сейчас скажет, это не сможет изменить ее отношения к Аркадию. Негодяй останется негодяем.

– Я до сих пор не могу спокойно вспоминать о том дне, девочка моя. Помнишь, когда мы поехали на этот никчемный прием? Я потом не мог простить себе,

что потащил тебя с собой – все эти камеры, все это внимание, я знаю, как ты относишься к журналистам.

– И все же каждый раз я оказываюсь перед этими папарацци! – воскликнула Арина, бросив короткий взгляд на Ричарда, из-за которого в свое время она оказалась на страницах всех бульварных журналов мира – в своем «голом» платье и с растерянным видом потерявшейся звезды. Технически это была не его вина, а Клариссы, и все же... Ее тут нет, а он пытался ее отравить!

– Арина, милая, – вздохнул Максим. – Я знаю, в это трудно поверить, но никто здесь не желает тебе зла. Аркадий сам позвонил мне в тот вечер, когда я уже совсем поверил, что ты решила меня бросить.

– Я никогда бы тебя не бросила! – воскликнула Арина, и боль в ее голосе отразилась на ее лице.

– Я хочу в это верить. – Максим прижал холодные ладони к своему лицу, прижал их к щекам и на секунду застыл. – Я бы этого не пережил. Слышишь?

– Это не мне, это ему нужно слушать, – прошептала Арина, презрительно глядя на Аркадия. Тот сидел молча, как восковое изваяние, как статуя Родена – с перекошенным от недовольства лицом.

– Я только что дочитал твое письмо, странное, конечно, и я ничего в нем не понял. Я не знал, что и думать. И при чем тут Ричард! – воскликнул он.

– Она писала об меня тоже? – с удивлением спросил Ричард.

– Да, она написала, что ждет тебя в Шереметьеве. Только твой телефон уже не отвечал. А когда Аркадий позвонил, он сказал, что ты у него, представляешь, Арина? Я решил, что он и вправду украл тебя. Потому что он так и сказал – она у меня, Максим.

– Я хотел тебя успокоить, – возмутился Аркадий. – Я боялся за тебя.

– Но это прозвучало так двусмысленно, – развел руками Максим. – «Она у меня, Максим». Следующей фразой вполне могла стать «делай, что я скажу, или она

умрет». Если бы ты, Аркадий, знал, что о тебе написала Арина, ты и сам бы себя начал подозревать. Ты у нее там – убийца и маньяк.

– Да! Он украл меня! – возмутилась Арина, продолжая метать невидимые огненные стрелы в сторону Аркадия. Если бы взгляд мог ранить, он был бы изрешечен. – Убийца и маньяк.

– Нет, Арина. Я не крал вас. Просто мы действовали так, чтобы исключить фактор случайности, – вкрадчиво пояснил Аркадий. – Кто знает, что еще вы могли сделать, думая, что защищаете Максима. К тому же Максим приехал к нам уже через час.

– Ты спала, девочка, и у тебя поднялась температура, – прошептал Максим и побледнел. – Да, Ричард подлил тебе снотворного в чай, но только потому, что никто не хотел, чтобы ты наделала глупостей. Ситуация слишком серьезная, а ты сама знаешь, что вполне способна наделать глупостей. И ухудшить все.

– Твой дядюшка убил Екатерину Воронкову, – бросила Арина, и ее фраза, как керосин на костер, взорвала воздух. Аркадий встал.

– Никого я не убивал, – бросил он холодно. – А вы, молодая особа, видимо, склонны делать выводы, не включая разум.

– Конечно, женщина не способна думать. Что еще сказать, а? В любом случае я вам не верю! – сказала Арина и замолчала.

– А я верю, – пробормотал Максим себе под нос. – Аркадий не мог никого убить. Вся эта история с какой-то там пропавшей девушкой... Арина, ты не должна была принимать мои рисунки близко к сердцу.

– Да? – разозлилась Арина. – Думаешь, я ошибаюсь насчет Аркадия? Как ты можешь так говорить после того, что он со мной сделал?

Она взяла было в руки стакан, но отбросила его на середину стола, вода разлилась по скатерти, но никто ничего не сделал. Аркадий дождался, пока вода выльется полностью, а затем повернулся к Арине и продолжил с того же места, словно это была светская болтовня:



– Однако согласитесь, Арина Петровна, есть большая разница между тем, чтобы припугнуть человека ради его же блага – и убить человека. Или вы не согласны?

Арина демонстративно проигнорировала его и обратилась исключительно к Максиму:

– Не уверена, что хочу все это слушать. – Она чувствовала странное оцепенение, она просто не могла возражать этому человеку, от которого исходила опасная сила, угроза. Какая-то чудовищная усталость навалилась на нее. Неужели ничего больше не будет в ее жизни нормальным?

– И все же придется. Давайте поговорим о том дне, когда я нанес вам визит. Не думайте, пожалуйста, что я пришел к вам с тем крайне неприятным разговором по собственной воле. Я приехал не потому, что вы мне неприятны или я лично хотел избавиться от вас Максима. Мне такие эмоции не свойственны. – Голос дядюшки звучал сухо и четко, как голос диктора из старого радиоприемника. С легким надломом и хрипотцой, которая все же не мешала его голосу оставаться властным и сильным.

– А какие же вам свойственны? Мне кажется, на заводе, где делают таких стальных людей, как вы, эмоции не встраивают, – бросила Арина и потянулась к салфетке, чтобы занять руки.

– Вы хотите сказать, что я робот? – приподнял бровь Аркадий. – Любопытная концепция. Но это не так. Есть люди, о которых я забочусь и к которым привязан вот уже многие годы. Именно в их интересах я и действую сейчас.

– Вы имеете в виду отца Максима? – спросила Арина, прищурившись. – Он вас послал «поговорить со мной»?

– Меня прислал Коршунов, да, – подтвердил Аркадий. – Но не поговорить.

– Да мы и не говорили, – пожала плечами Арина. – Это называется – шантаж и угроза жизни. Карается какой-нибудь статьей закона, между прочим.

– Моему отцу на законы плевать, – с горечью бросил Максим. – Он хочет, чтобы я оставался вечной марионеткой в его руках. Девушка может влиять на меня

больше, чем он. Кошмар! Невозможно смириться!

Аркадий замолчал, словно пытаюсь собраться с мыслями. Он говорил, стараясь контролировать не только каждое произносимое им слово, но и жесты, мимику и даже такие неподвластные людям вещи, как дыхание. Наконец он поднял голову и, кивнув, продолжил.

– Это правда нечто запредельное, – повторил Аркадий. – Ты его единственный сын, и он возлагает на тебя определенные надежды. Стало быть, ты не можешь распоряжаться своей жизнью свободно.

– Вот только я считаю иначе. И если хочешь знать, я хоть сегодня готов выйти из всех дел с моим отцом.

– Уверен, что это так и есть, – грустно улыбнулся Аркадий, и Ричард тоже кивнул. – Только, боюсь, несколько поздновато для этого.

– А я так не считаю, – фыркнул Максим, бросив колючий взгляд на Ричарда. – И могу с любым разобраться.

– Думаю, именно из-за этого у нас могут быть самые большие проблемы, – недовольно покачал головой Аркадий. – От открытого противостояния с твоим отцом все станет только хуже. Это неразумно и опасно. Вы согласны со мной, Арина Петровна?

Арина оставила вопрос без ответа. Она не собиралась ни одним словом, ни даже движением брови – ни в чем соглашаться с этим человеком. В чем бы он ни попытался ее убедить. Потому что от него идет ложь, жестокость и беспринципность. Она испытала это все на себе.

– Значит, это отец Максима попросил меня припугнуть? Что ж, это у вас отлично получилось. – Арина откинулась на спинку стула и зааплодировала. Ее скудные хлопки прозвучали насмешкой в напряженной тишине комнаты. И только Максим побледнел чуть сильнее и привстал со стула. Он первым догадался, о чем попросил Аркадия Коршунов, его отец.

– Он не просил меня припугнуть вас, – Аркадий произнес это тихо, но достаточно четко, чтобы Арина расслышала. Максим отвернулся и сжал кулаки.

– Нет? – растерянно пробормотала Арина. Она попыталась встать, но оступилась и чуть не упала. Ухватилась за край стола и еще до того, как Аркадий произнес следующую фразу, почувствовала ледяной холод.

– Нет, он приказал вас убрать. Убить, чтобы быть точным. Еще точнее, организовать заказное убийство. – Аркадий говорил ровно, с той же интонацией, словно боялся, повысив голос, нажать на кнопку пускового устройства. И тогда начнется цепная реакция.

Арина отшатнулась, словно ее ударили по лицу. Она раскрывала и закрывала рот, но слова застряли где-то в глубине ее сознания. Что-то вроде «такого не может быть». Или «это же бесчеловечно». Она ощутила дикий ужас, панику, у нее затряслись руки, колени. Арина крикнула:

– Нет! – И на ее лице отразился смертельный страх, как на картине «Крик» Эдварда Мунка.

– К сожалению, да. Поэтому я и решил попробовать просто спугнуть вас, чтобы вы с Максимом расстались. Куда проще и гуманнее просто подкупить вас, разве нет? Это показалось мне самым логичным и разумным. Мне и в голову не могло прийти, что вы по-настоящему любите Максима, а он – вас.

– Это еще почему? – Арина прикусила губу. – Что странного в том, чтобы двое молодых...

– Все! – повысил голос Аркадий. – Все в этом странно! Вы не выглядите большой поклонницей жесткого секса, так же как и постоянным членом групповых вечеринок или странных театральных затей с использованием цепей и продажи живого товара или исторических реконструкций с элементами садизма. И других маленьких развлечений, которые так нравятся моему шефу Коршунову. А Максим всегда был...

– Аркадий, не надо, – вскинулся Ричард.

– Чего не надо? – Максим подался вперед, поймал взгляд Арины и больше не сводил с нее горящих глаз. Она стояла возле стола, обхватив себя руками за плечи, словно мерзла. – Говори, дядя! Договаривай, что я всегда был как две капли воды похож на своего отца. Видишь, Арина, какой у меня папочка. Теперь тебя не удивляет, почему я не спешил вас знакомить? Но только вот проблема – я такое же чудовище.

– Нет, Максим, – бросилась к нему Арина, но он отступил в сторону.

– Да! Так и есть. Так и было, пока я не встретил тебя, Арина, потому что прежде я никогда и никого не любил. Я вообще не представлял, что способен чувствовать другого человека так сильно, как будто он часть меня. Когда я тебя потерял, я чуть не умер. Я не шучу. Но это не значит, что я не похож на своего отца. Особенно в определенных моментах. – Красивое лицо Максима выразило отвращение.

– Ты не похож на своего отца, и это не имеет никакого отношения к тому, какие у тебя предпочтения в... в... – Арина запнулась и покраснела.

– Нанять кого-то, чтобы избавиться от девушки своего сына – это так по-коршуновски! – с горечью бросил Максим, игнорируя то, что сказала Арина. Он просто не хотел ничего слышать. Арина в отчаянии всплеснула руками, но неожиданно ей на помощь пришел дядюшка-дьявол.

– Да, Арина Петровна. Да, вы правды. Он не похож на своего отца. И я старый дурак, раз не видел этого. Коршунов – тоже красивая птица, и сильная, но безжалостная и питающаяся мертвечиной. Максим никогда никому не причинял зла. Напротив, Арина, он всеми способами кричал о зле, он всегда его видел. В своих снах, фотографиях, в своей любви.

Аркадий замолчал и отвернулся к темным иллюминаторам, он хотел дать время, чтобы эта девушка поняла всю серьезность их положения, но Арина не могла думать, она почти не могла дышать. Она потрясенно смотрела на его сухощавую фигуру и с изумлением пыталась допустить мысль, что Коршунов, отец Максима, отдал распоряжение ее убить. Убрать, как мусор, ненужный и лишний. Боже мой, а ведь это распоряжение еще в силе! Как она может поверить Аркадию, особенно теперь, когда она не знает, во что верить?

А кому еще ей остается верить? Только Ричарду и Аркадию. И Максиму, конечно. Его лицо свело судорогой ненависти, кулаки сжаты, и он стоит, как замерший навечно соляной столп. Сын такого отца, каково это для него?

Аркадий с трудом оторвал взгляд от стены и посмотрел на Арину. Глаза его были больными, он страдал.

– Так что... теперь я готов со всей ответственностью признать, что Максим никоим образом не пошел в отца. Я чудовищно ошибался, и его сексуальные предпочтения тут решительно ни при чем.

– Максим никогда никого не заставлял страдать, – добавила Арина.

– Да, это тоже, – согласился Аркадий каким-то странным тоном, и в глазах его плескалась... жалость? – Он никого не заставлял страдать. Чего нельзя сказать о Коршунове – он питается страданиями. Я ошибался во всем, и я ошибся в вас, Арина Петровна. Прошу вас меня простить, если не сейчас, то когда-нибудь.

– Вам нужно мое прощение? – поразилась Арина. Слезы катились по ее лицу.

– Но еще более я прошу вас дать мне вам помочь, – продолжил Аркадий выразительно.

– Он все еще хочет меня убить? Коршунов? – прошептала Арина.

– Возможно. Но дело не в этом заказе...

– Заказ? – нахмурился Максим. – Что ты мелешь?

– То, что вы случайно открыли – это может оказаться куда опасней.

– Я не понимаю, – пробормотала Арина, растерянно переглядываясь с Ричардом.

– Ваш рисунки... – тихо бросил тот.

– Что такого в моих чертовых рисунках? И в моих снах? – крикнул Максим, но Ричард и Аркадий оба молчали, словно боялись продолжить. Арина вдруг ахнула и прикрыла рот рукой.

По лицу Максима пробежала тень. Долгие, невыносимые часы, что прошли с момента, когда Арина так неожиданно и необъяснимо ушла, уехала на лимузине с его вечеринки, Максим не думал ни о чем, кроме того, как вернуть ее. И после того как Аркадий позвонил ему, он летел по Москве на спортивной машине, боясь опоздать и не увидеть ее. Боялся, что мир сошел с ума, и его дядя Аркадий, которому он с детства привык доверять куда больше, чем своему настоящему отцу, что тот вдруг предал его и решил отнять у него Арину. Боялся, потому что знал – мир полнится и живет катастрофами, горем и предательством, боялся, потому что всегда был готов к худшему.

Не в этот раз, хвала небесам.

Теперь она была рядом, и это было все, что нужно Максиму. И он ни одной минуты, черт побери, не думал ни о рисунках, сделанных больше от раздражения, чем в желании справиться с кошмарами, к которым он давно привык, ни о самих кошмарах. Зачем они все время напоминают ему о них? Да, он вспомнил сейчас, что Арина говорила в своем странном письме, что эти рисунки имеют отношение к какой-то женщине, которую, по ее словам, убил Аркадий. Абсурд.

– Что вы хотите сказать? – спросила Арина, повернувшись к Аркадию.

– На самом деле я и сам еще не знаю, что именно я хочу сказать, моя дорогая. – Голос Аркадия звучал глухо. Он запнулся, остановился и присел, чтобы выпить воды.

– Я вам не дорогая! Говорите или молчите!

– Я был бы рад молчать. Может быть, так и надо. Это все пока – только мои домыслы.

– И мои таким же, – мягко добавил Ричард.

– Да о чем вы, черт подери! – разозлился Максим.

– Вся эта история для меня сейчас – как в тумане. И знаешь, Максим, некоторым вещам лучше так и оставаться во мгле. Незачем и пытаться вытащить их на свет, разве нет?

– Что вы знаете о Екатерине Воронковой? – спросила Арина, и Максим вздрогнул, словно совершенно не ожидал услышать это имя снова.

– Да кто она такая? Воронкова? Та самая Воронкова?

Аркадий медленно допил холодную воду из своего стакана и повернулся, но не к Максиму, а к Арине:

– Я могу сказать вам, Арина Петровна, только то, что я не убивал Екатерину Воронкову. И никогда ее не видел. И я понятия не имею, как и почему эта женщина, – да, Максим, речь идет о дочери Александра Воронкова, делового партнера твоего отца... Так вот, я не знаю, как и почему она появилась в твоих снах. Но то, что ты рисуешь ее, видишь именно ее во сне каждую ночь... Это может означать...

Аркадий не закончил фразу, но уже больше ничего и не надо было говорить.

Конечно, это может означать одно – и именно об этом ему писала Арина. Она ошиблась только в убийце, но не в убийстве. Это не Аркадий, а его отец убил женщину по имени Екатерина, и он, Максим, каким-то образом присутствовал при этом. Это его отец разрубил ее тело на куски, это он – то чудовище с ледяными глазами и острым когтем, разрывающим Максиму сердце.

Красные вспышки, головы, руки, потоки крови и ледяные глаза его персонального монстра. Все они теперь вырвались из-под контроля, и где бы Максим ни уснул, на кровати, или на полу, или в холодном подвале, или под мостом, или в самом дорогом номере самого фешенебельного отеля мира, ему не скрыться от своих монстров. Он может больше не уснуть ни разу, это не изменит ничего. Он – сын убийцы, разрубившего на куски дочь своего делового партнера. Чудовище – оно у него в крови. Он посмотрел на Арину с грустью.

– Прости меня, – прошептал он, отступая к выходу.

– За что? – Арина бросилась вперед, пытаясь подойти к Максиму, но он был быстрее. – Ты ни в чем не виноват.

– То, что я ни в чем не виноват, не мешает мне оставаться сыном этого монстра. Прости меня за то, что я тебя в это втянул. Если бы я только знал...

– Что? Что бы ты тогда сделал? – закричала Арина. Она попыталась взять его за руку, но он вырвался и отвернулся от нее.

– Я бы никогда не подошел к тебе, – прокричал Максим, так и не оборачиваясь. – Ты что, не слышала? Я – сын психопата и убийцы. Аркадий прав. Меня нельзя любить!

Неожиданно Максим ударил кулаком в самый центр плазменного экрана, прямо туда, где шумные потоки воды стекали с огромной скоростью вниз, разбрызгивая во все стороны мелкие капли даже не воды – тумана. Удар был такой силы, что в центре плазмы, в сердце водопада образовалась воронка с битыми, колотыми краями, а по руке Максима потекла кровь. Он резко повернулся и вышел из комнаты.

#### 4

Самолет вошел в зону турбулентности, и стаканы на столе задрожали в своих небольших углублениях. Под потолком загорелся значок «пристегните ремни», но все проигнорировали команду. Арина чувствовала себя бесконечно старой, как Баба-яга с клюкой, и такой же бесконечно усталой, словно она тащила на себе огромный воз долгие-долгие годы. Кто сказал, что от правды всегда становится легче? Какой шутник придумал, что ложь может ранить, а правда всегда лечит. Этот глупец просто не понимал, о чем говорит.

Правда убивает.



– Вы не должны принимать это на свой счет. Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. – Слова дядюшки Аркадия повисли над тарелкой с десертом.

Арина обернулась к нему – в глазах слезы, руки дрожат, а пальцы сами собой сжимаются в кулаки от злости. Только вот кого надо поколотить этими кулаками? Саму себя?

– Что вы понимаете! Вы! – вспыхнула Арина, и глаза ее сверкнули таким огнем, что сожгли бы дотла, если б только можно было материализовать это пламя. Она не хотела, отказывалась понимать, что человек, которого она так долго и так сильно ненавидела и боялась, может оказаться ее союзником и, страшно подумать, хорошим человеком. Невозможно и немыслимо, разве может хороший человек угрожать ей, может он говорить таким ледяным тоном, что чувствуешь себя грязью, самой настоящей грязью.

Он делал это ради Максима. Черт, я не хочу ничего понимать!

– Арина Петровна, вы поправьте меня, если я не прав, но по вашему лицу я вижу, что вы уже придумали, как возложить на себя вину за все, что тут происходит и может произойти. Ведь так? – И Аркадий неожиданно улыбнулся, совсем слегка, еле заметно, можно сказать, одними глазами. Но это была теплая улыбка, и Арина впервые видела такое выражение на этом старом, жестком лице. Все равно, подумала она, он мне враг.

– Я заставила Максима нарисовать ее! – крикнула она ему.

– Вы не знали, что это может быть так опасно. Вы хотели помочь, – спокойно ответил он.

– Он говорил мне, что это для него тяжело и больно, а я ничего не слышала. Я думала... – Арина запнулась, и из глаз ее полились злые слезы бессилия.

– Вы думали, что можете заставить эти сны уйти. – Его слова прозвучали тихо и грустно. – Некоторые вещи не зависят от нас. Но сейчас он там, один, и тоже зол на весь мир. И тоже, я уверен, винит себя во всем без разбору. А вы рыдаете здесь, в то время как вы должны быть вместе, и ни один из вас не должен страдать.

– Вы хотите, чтобы я пошла за ним? – изумленно пробормотала Арина. Ричард поднял голову и бросил взгляд на Аркадия так, словно тоже был потрясен этим.

– Счастье так мимолетно, – пробормотал Аркадий. – У меня никогда его не было. Максим мне как сын...

Он не успел закончить. Арина, вытерев кулаком слезы, бросилась вслед за Максимом. Дверь в спальню была открыта. Максим сидел там на дальней стороне кровати. Он был неподвижен и смотрел в стену, опираясь на слегка отставленные назад руки. Он услышал, как Арина вошла в комнату. Она видела, как его плечи дрогнули, но Максим не обернулся и никак не дал понять, что знает о ее присутствии. Он был погружен в себя и отгорожен от всего, словно бы прозрачный купол накрывал его, и через этот купол не проходили ни воздух, ни тепло, ни любовь.

– Максим, – прошептала Арина, подойдя ближе. Она сбросила босоножки и забралась с ногами на кровать. Узкая юбка сковывала движения, но она ничего не замечала, кроме этой широкой, замершей в напряжении спины.

– Уходи, – глухо произнес он.

– Ни за что. – Арина рассмеялась тихонько и положила руку ему на плечо. Он вздрогнул и еще больше напрягся.

– Хочешь меня спасти? – Максим озлобленно засмеялся. – Мой добрый ангел не бросит меня?

– Никогда, – кивнула Арина.

– Меня нельзя спасти, как бы тебе ни хотелось верить в то, что можно. Арина, иди в холл. Не волнуйся ни о чем, я все исправлю.

Она почувствовала, как высокой волной на нее наваливается ярость, и с размаху ударила Максима кулаком по спине. Удар получился неожиданно сильным для ее слабых рук, и Максим вздрогнул, обернулся, чтобы тут же наткнуться на ее возмущенный взгляд.

– Что ты исправишь? – закричала она. – Сунешь мне денег, отошлешь за тысячами? Разобьешь мне сердце? Ты что, считаешь, что, бросив меня, ты можешь вернуть все на свои места? Ты что, не понимаешь, что я уже другая? И уже не выйдет посадить меня обратно в мою ветеринарную клинику. Хватит играть в меня, будто я маленькая оловянная кукла и меня можно в любую минуту положить на место! – Арина кричала и не могла остановиться, и продолжала колотить его по плечам, по груди... Максим не сопротивлялся, молчал, только отворачивал голову от ударов. Пантера в человеческом обличье! Он не верил своим глазам.

– И не говори мне, что делать, не смей, слышишь? Все кругом говорят мне, что делать и чего хотеть. Я уже взрослая, слышишь! – Арина отвернулась, чтобы скрыть слезы. Сколько времени они знакомы с Максимом? Несколько месяцев, хотя иногда ей кажется, что пролетела целая вечность и что сейчас она живет уже свою девятую жизнь. Но они – снова там же, где были вначале. Максим снова хочет ее оставить, как обещал ей в первый день. И пусть его доводы теперь изменились, что это меняет? Она любит его. Она не может без него жить. Он не хочет, чтобы она осталась. Арина соскочила с кровати на пол и уселась на ковер.

Почему все должно быть таким сложным? Почему они не могут быть просто счастливы?

– Какие синие у тебя глаза, ты как полевой цветок... как же он называется? Не могу вспомнить. Колокольчик?

– Что? – Плечи Арины дрожали, и злость никуда не ушла, но Максим словно решил забыть об этом. Он начал другой разговор и вдруг тоже сошел с кровати и опустился рядом с Ариной на пол, его рука легла ей на голову. Он нежно провел ладонью по ее волосам, и это движение сильно отличалось от тех порывистых, властных рывков, той жесткости, обычно столь ему свойственной.

– Значит, ты уже совсем большая девочка?! – тихо спросил он и усмехнулся. Затем вдруг посерьезнел и нежно развернул ее заплаканное лицо к себе. – С каких это пор?

– С тех пор, как попала в твои руки, – улыбнулась Арина сквозь слезы. Максим прикоснулся кончиками пальцев к ее мокрым губам, склонился и поцеловал ее

нежно, едва касаясь. Он почувствовал соль на ее губах и их нежность. Арина сидела на коленях, а узкая юбка плотно облегла ее бедра. Песочная водолазка подчеркивала красоту ее стана – ее длинную гибкую шею, изящно очерченные плечи, красивую грудь. Арина ответила на его поцелуй тихим стоном, и тогда руки Максима потянулись к ее лицу, он притянул ее к себе и поцеловал снова – на этот раз поцелуй был страстным и властным, даже дерзким. Арина изогнулась и простонала снова, и Максим тихо засмеялся.

– Сумасшедшая? Беги от меня, слышишь! – пробормотал он, но его руки стягивали с нее водолазку.

– А разве ты отпустишь меня? – спросила она, поднимая ладони вверх, и мягкая ткань легко соскользнула, открывая ее грудь.

– Когда ты сидишь вот так покорно передо мной и твоя грудь обнажена? – усмехнулся Максим. – Ни за что. Но разве ты не понимаешь, что я могу быть опасен для тебя? Твоя слепая доверчивость лишь доказывает еще раз, насколько ты молода, глупа и наивна. Я могу причинить тебе зло, могу забыться.

– Я так люблю, когда ты забываешься...

– Глупая, глупая моя Синеглазка. Ты не должна сходить с ума, понимаешь? Ведь кто-то же должен быть нормальным. Кто знает, какие еще черти пляшут в моей крови и что станет со мной через год, через два, через пять? Что, если я раздену тебя и заткну тебе рот кляпом, что, если я захочу унижить тебя, захочу взять тебя во все твои соблазнительные отверстия. Что, если я сделаю тебе больно? Ты же знаешь меня, знаешь, что это возможно.

– Ты говоришь все это мне, а мое тело уже горит. Ты понимаешь это? – пробормотала Арина.

Максим сжал ей запястья, словно желал дать почувствовать свою силу и власть.

– Я могу принести тебе горе.

– Ты можешь принести мне счастье. Я так хочу тебя.

– Да, я знаю. – В его голосе звучали грусть и обреченность. – Все-таки мы два сумасшедших, и я никак и ничем не могу остановить тебя. Даже если свяжу. Особенно если свяжу.

Арина замерла, остро чувствуя, как под его взглядом напряглись ее соски. Ее груди вызывающе торчали вперед, требуя внимания и ласки. Максим улыбнулся и, не прикасаясь к ним руками, чуть подался вперед и провел языком по набухшему соску. Арина ахнула.

– Не шевелись, Синеглазка, будь хорошей девочкой, – скомандовал он и вдруг чуть прикусил сосок. Арина вздрогнула от легкой боли, и Максим довольно улыбнулся, словно он наказывал Арину за что-то. Арина знала, он хочет наказать ее за ее любовь к нему, каким бы странным это ни казалось. Он злится за то, что она хочет быть с ним, за то, что верит ему и отказывает ему в сомнительном удовольствии считаться чудовищем по праву рождения. Что ж, если так, то она готова, что бы он ни придумал для нее на этот раз.

Если быть до конца честной, она сама хочет этого. Настолько сильно, что ее руки дрожат в его руках, а между ног разгорается пожар. Никто больше в целом мире не может свести ее с ума так, чтобы она сама хотела стоять перед ним на коленях и протягивать к нему руки в ожидании непредсказуемых и наверняка развратных приказов.

Пока мы здесь, вдвоем в этом сумраке нашей спальни, кто осмелится судить нас за то, что делаем мы с нашими телами?

Арина вздрогнула от этой мысли, впервые с такой ясностью оформившейся в ее голове. Это их жизнь, их выбор, их постель, и здесь им можно все. Может быть, он прав, и оба они – сумасшедшие, но лишь глядя в бесконечное серебро этих умопомрачительных глаз, она ждет только его легкого кивка, чтобы начать игру.

Максим подул на сосок и выпрямился, внимательно осмотрел полуголую девушку, сидящую перед ним.

– Как же ты прекрасна, моя принцесса. Разденешься для меня?

– Что? – прошептала Арина и кивнула, приподнялась на коленях и дрожащими руками расстегнула на юбке молнию. Потянула юбку вниз и опустила ее почти

до бедер, не сводя глаз с потемневшего лица Максима. Стали видны ее простые белые трусики, и Максим судорожно вдохнул, словно пытаясь успокоить вулкан, дремавший в нем. Ш-ш-ш-ш...

– Такой ты хочешь меня видеть? – спросила Арина, игриво улыбаясь. – Скажи мне.

– Да. – Его голос прозвучал глухо. – Именно такой – обнаженной, с распущенными волосами и сосками, красными от моих пыток. Можешь ты сделать это для меня?

Арина неловко придвинулась к нему, и ее грудь оказалась на уровне его приоткрытых губ. Она сама приблизила сосок к его рту, и Максим обхватил ее нежные груди ладонями и сжал их, принялся ласкать языком оба горячих соска поочередно. Арина попыталась сдержаться, но это было выше ее сил, волна возбуждения словно током пробежала по ее телу, от кончика взятого в плен соска по животу вниз, в глубину ее женского естества, к сокращающемуся в сладких пульсациях клитору.

О, как сильно она хочет его. От долгого стояния в неудобной позе ноги затекли и почти не слушались, стали словно ватными. Арина ухватила за плечи своего прекрасного мучителя, продолжающего методично терзать ее груди. Короткий взгляд на его сосредоточенное лицо – и Арина ахнула от предвкушения и легкой паники. Его лицо было наполнено похотью и огнем, со сведенными от напряжения скулами и расширенными зрачками, он выпустил ее грудь и посмотрел на потемневший, влажный ореол соска, словно пытался оценить результаты своих усилий. Затем довольно кивнул и улыбнулся, заметив страх в глазах Арины.

– Продолжай, мое ты сокровище, – прошептал он. – Не останавливайся, прошу.

– Я не знаю, сколько я выдержу, – взмолилась она.

– Столько, сколько я решу тебе дать, – добавил он и запустил пальцы за резинку ее трусиков. – Покажи мне все.

Эта просьба заставила Ариного сердце стукнуть. Ее тело было для Максима самым любимым десертом, и он жадно смотрел, как она дрожащими пальцами стягивает с себя трусики, открываясь перед ним полностью. Странная смесь возбуждения и стыда, как пряный и острый коктейль Мичелада, текущий по венам и распалаяющий еще больше. Арина чуть наклонилась, чтобы стянуть юбку и трусики полностью. Теперь она осталась перед Максимом голой, и было в этом что-то неправильное, но мощное и сильное. Обнаженная девушка перед одетым мужчиной. Слабость и незащищенность перед силой и властью. Тогда Арина решилась и, не сводя взгляда с лица Максима, с его приоткрытых от возбуждения губ, она раздвинула ноги, расставив колени широко в стороны и открыв взору Максима промежность.

– Что же ты делаешь, девочка! – воскликнул он, любясь красотой ее нежного тела.

– Все, что ты скажешь мне, – ответила она и опустилась на пятки. Ее покорная коленопреклоненная поза, ее раздвинутые ножки, возбужденная грудь с торчащими сосками, ее незащищенная готовность следовать за его желаниями – это было невыносимо сильно, разве можно было этому противиться. Максим еще сидел напротив нее в притворно-расслабленной позе, но его сознание уже рисовало картины, и он уже видел Арину, кричащую от наслаждения, подчиняющуюся ему и владеющую им.

– Ты само чудо, ты знаешь это? – спросил Максим, приподнявшись с места. – Обещаешь вести себя тихо? Не будем беспокоить дядю? – И, не дав ей ответить, но вполне дав ей осознать ее положение, он резким движением раздвинул ее ноги еще сильнее. Арина ахнула от неожиданности, но его палец уже проник к ней во влагалище – грубое, быстрое и властное нападение. Большим пальцем Максим провел по ее клитору, и Арина не смогла сдержаться, простонала.

– Стой смирно, как мышка, обещаешь? – спросил он, запуская другую руку между ее ягодиц. От прикосновения к анусу Аринины щеки побагровели, но Максим сегодня не собирался «брать пленных» и не знал жалости. Он надавил на анус сильнее, продолжая массировать клитор и вагину.

– Я, ох, что ты делаешь... – забормотала Арина, прикрыв глаза.

– Все, что сочту нужным, – напомнил он строгим голосом и погрузил в ее лоно еще один палец, а его губы сжали ее сосок. Это множественное воздействие на все ее самые сокровенные места разом потрясло Арину, и в ее сознании не осталось никаких мыслей, только чувства. Грудь горела, и каждый нажим его губ, каждый кружок, нарисованный его умелым языком, заставлял ее влагилище сжиматься вокруг его бесцеремонных пальцев. Арина еле сдерживалась, чтобы не закричать, ее покрыла испарина.

– Ты такая влажная внутри, чувствуешь? – спросил Максим и, вынув на секунду из нее пальцы, показал их ей. – Попробуй. Открой свой чудный ротик, моя сладкая конфетка. О, сколько всего я могу с тобой сделать. Хочешь этого?

– Да, – еле слышно прошелестели ее губы, и Максим улыбнулся. Он вложил блестящие от ее влаги пальцы ей в рот, и она почувствовала их солоноватый привкус. Другая его рука продолжала ощупывать ее ягодицы, играть с ложбинкой между ними и кольцом мышц, Максим улыбался, видя растерянность и возбуждение еще несколько минут назад такой смелой девочки.

– Мне продолжать? Ты уверена? – Его руки замерли, его губы остановили свою сладкую пытку.

– Да.

– Скажи мне.

– Я хочу, чтобы ты продолжил, пожалуйста, – пробормотала Арина, подаваясь всем телом вперед, к его рукам.

– Всю жизнь? Навсегда? Ты готова стать моей навсегда? Потом не будет шанса уйти, потому что я везде найду тебя. Слышишь меня, девочка? – спросил он вдруг и поймал ее взгляд. В серых глазах плескалось беспокойство, даже страх. Арина глубоко вздохнула.

– Да, конечно. Навсегда, – прошептала она.



– И ты не станешь скрывать от меня проблемы? Ты будешь верить мне? – Максим сжал ее лоно и ягодицы, и Арина вскрикнула от легкой боли.

– Нет, не стану. – Обещание прозвучало, как эхо. Голос почти не слушался ее. Максим сжал ее еще сильнее, и Арина почувствовала, как крепка его рука. Очень быстро, быстрее, чем она успела заметить, он подхватил ее, перевернул и бросил на кровать на живот. Послышался звук расстегиваемой молнии, и, обернувшись, Арина успела заметить, как Максим сбрасывает с себя джинсы. Но в следующую секунду он ухватил ее ноги и придвинул ее ближе к себе. Он раздвинул ее ноги одним резким движением и тут же воцарился между ними, нависнув над ней. Это было – как нападение, как насилие, он делал все так, словно ожидал битвы и заранее побеждал, лишая Арину шанса на сопротивление. Она попыталась перевернуться, взять власть над своим телом назад в свои руки, хотя такая слепая мужская жажда лишь больше возбуждала ее. Она знала, что это только игра. Возможно, кто знает, он и захочет зайти дальше возможного, чтобы снова доказать ей, как ужасен он и его прошлое. Это пугало Арину, но она решила идти до конца.

– Нет, девочка, ничего не выйдет, – прошептал Максим, прижав ее плечи к кровати. Арина попыталась скинуть с себя его руки, даже оцарапать его, но Максим рассмеялся и сильнее обхватил ее тело и сжал его. Одну руку он запустил ей под живот и заставил ее приподнять ягодицы выше. Другой рукой он обхватил ее руки и обнял ее так крепко, что лишил возможности двигаться. В следующую секунду Арина почувствовала, как его большой, крепкий, как сталь, член безжалостно ворвался в ее тело. Максим знал, что Арино тело было совершенно готово, оно было увлажнено сверх всякой меры, она буквально истекала соками для него. И все же проникновение было резким и неожиданным, и Арина закричала и забилась, потерянная в эмоциях, но ее тело стремилось навстречу яростным ударам, стараясь принять в себя мощный жезл так глубоко, как только сможет. Максим замер и остановился. Он поцеловал Арину, провел рукой по ее вспотевшему лицу.

– Ты кричишь, моя хорошая, так не пойдет. Что подумает Ричард? Ну-ка, давай попробуем так. – И он снова вошел в нее, раздвигая ее ноги коленом еще чуть сильнее, но на этот раз его движение было медленным и плавным, он дал своей девочке почувствовать его крепкий член внутри ее тела.

– Да, о да, – простонала Арина, отвечая бедрами на его удары.

– Что – да? Попалась ко мне в руки, да, маленькая? Что ты чувствуешь, скажи мне. – Максим снова и снова проникал в нее. Он отпустил Арину и больше не держал ее, а обнимал, притягивая к себе хрупкое девичье тело. Его ладони играли с ее грудями, он целовал ее шею и любовался ею. Арина потерялась в этой нежности, столь сильно контрастировавшей с тем, как он ворвался в нее сначала.

– Я чувствую... тебя, – прошептала она.

– И это хорошо? – спросил Максим, просовывая руку между ее горячих бедер. Его пальцы нашли клитор, и очередной стон сорвался с ее губ против ее воли.

– Очень, очень хорошо, – шептала она, плавая в ощущениях, не открывая глаз и облизывая пересохшие, покрасневшие от поцелуев губы. Максим не торопил ее, он медленно рисовал пальцами большие круги вокруг ее клитора, и завершение каждого круга совпадало с очередным ударом его фаллоса. Мнимое спокойствие и неторопливость их движений скрывало огромное напряжение. Тело Арины полностью подстроилось под мужское тело, отражая зеркально каждый удар, подпевая ему, двигаясь в такт.

– У тебя такое нежное тело. Тебе не больно? – спросил он, и Арина только помотала головой, потянувшись бедрами навстречу. Максим рассмеялся и поцеловал Арину в щеку.

– Мне так хорошо, – прошептала она еле слышно.

– Я сейчас кончу, – сказал Максим. – Я хочу, чтобы ты кончила вместе со мной. Теперь мы все должны делать вместе, ведь ты – моя, верно?

Его слова слились с движениями его сильных бедер, с сумасшедшими, сводящими с ума движениями умелых пальцев. Арина повернула голову и раскрыла губы для поцелуя. Она чувствовала приближение развязки, и ее истерзанное тело отзывалось сладкой истомой. Она чувствовала напряжение бедер в ожидании кульминации, и сладкая волна оттолкнулась от берегов и летела по ее солнечному сплетению вниз, к лепесткам ее нижних губ, к влагалищу, к трепещущему клитору. Яркий взрыв фейерверка на мгновение лишил ее разума. Она забилась и закричала, как в беспамятстве, и ей было все равно, кто услышит их крики. В тот же момент она почувствовала пульсацию

его члена в себе, и счастье наполнило все ее существо.

Они кончили вместе и лежали, растраченные и счастливые, все еще соединенные воедино. Одно целое, переплетенные руки и ноги, его тело, такое тяжелое, отдыхает, навалившись на ее тело, и ей так приятна эта тяжесть. Она бы хотела, чтобы время остановилось, и они навсегда остались бы в небе, вместе, смотреть друг на друга сияющими глазами. Но это было невозможно.

– Смотри, принцесса, начинается рассвет, – прошептал Максим, и они прильнули к иллюминатору в изголовье кровати. Темная линия горизонта внезапно начала светлеть, узкая полоска света – расширяться и превращать еще недавно темное небо в светло-голубую линию, разукрашенную желтыми лучами солнца.

– Как красиво, – легко вздохнула Арина.

– Ты – красива, это да, – рассмеялся Максим и поцеловал Арину в плечо. – Можно, ты всегда будешь сидеть голой в моей постели?

– Я про рассвет, – фыркнула она с притворным негодованием.

– Ах, это, – Максим кивнул на иллюминатор. – С воздуха рассветы видятся иначе.

– Какое красивое место – наша планета! – прошептала Арина. – Я так мало видела, а ты видел так много.

– Несомненно. Но скажи, тебе хорошо?

– Мне – сказочно хорошо, – улыбнулась Арина, любуясь своим сумасшедшим и прекрасным избранником. – А тебе?

– Шутишь? Зачем ты спрашиваешь? Ведь ты рядом и ты моя, и ты говоришь, что я могу делать с тобой все, что захочу, – любые ненормальные вещи, какие взбредут мне в голову. Да в мире нет человека счастливее меня, – воскликнул Максим и сам удивился тому, что впервые, пожалуй, он действительно чувствует себя счастливым. Арина чуть склонилась к нему и слегка коснулась ладонью его плеча.

– Конечно, можешь, – и она робко улыбнулась. – Только не прямо сейчас, ладно? У меня такое чувство, что мое тело еще дрожит.

– Я заставлю твоё тело дрожать по двадцать часов в сутки.

– А четыре?

– А четыре отдам на сон, – улыбнулся Максим.

– Щедро... – рассмеялась Арина. Она снова посмотрела в иллюминатор и вдруг задумалась.

– Максим, скажи, а куда мы летим? – спросила она. Он задумчиво посмотрел на нее.

– Да какая разница, – покачал он головой.

– Максим?! – нахмурилась Арина. – Скажи мне немедленно, куда мы летим?

## 5

Лондон. В страшном сне Арина не могла представить, что она опять полетит в этот город, этот респектабельный кошмар с красивыми замками, тихой природой и инопланетянами, которых невозможно ни понять, ни остановить. Параллельный мир, где чувственную любовь подают к обеду перед горячим и, очень может быть, на том же столе.

Арина судорожно натягивала на себя одежду – все ту же длинную юбку и водолазку, ходить в которых было неудобно. Но что она могла поделать? Снова бегать по салону самолета в футболке и с куском битого стекла? Неужели эти мужчины по-другому не понимают? Арина беспомощно пошарила взглядом по перевернутой вверх дном комнате в поисках второй туфельки. Чертова Золушка, она перебьется без туфель. Арина бросилась к двери.

– Я не могу поступить иначе! – закричал Максим, кидаясь за нею. – Ты что, не расслышала? Мой отец заказал тебя! А когда-то он своими руками убил девушку! Ты думаешь, я позволю ему хотя бы иметь шанс прикоснуться к тебе?

– Отлично! Он не тронет меня, я счастлива! А кто защитит моих родителей, когда он поймет, что ты припрятал меня в винном погребе своего дружка Ричарда Квинси? – Арина резко остановилась, и Максим налетел на нее, едва не свалив. Он сумел удержаться в последнюю секунду, но Аринин жесткий взгляд застиг его врасплох. Родители? Те странные люди из глухой деревни, где так много воздуха и так мало дорог.

– Арина...

– Ты даже не подумал об этом! – Это было серьезное обвинение, и ее обида была справедлива. – А ведь это не только я неминуемо становлюсь частью вашей семьи, но и ты становишься частью моей! Ты понимаешь меня, Максим?

– Я не позволю тебе вернуться туда. Через мой труп! – отчеканил Максим. Арина чуть не задохнулась, услышав такое. Она тряхнула длинными волосами и полоснула его яростным взглядом.

– Интересно, с чего ты взял, что можешь указывать мне, куда мне возвращаться, а куда – нет? – свирепо прошипела она. – Расскажешь это властям в Лондоне, когда будешь объяснять им, как ты посмел выкрасть меня в бессознательном состоянии.

– Мне не придется ничего объяснять, моя прелесть, потому что у тебя не будет ни одного шанса обратиться к представителям власти. Согласись, милая, это очень сложно сделать связанной и с кляпом во рту. И с моим членом внутри.

– О, как ты все продумал, – негодовала Арина. – Действительно, заманчивая перспектива! Полная всего того, что так тебе нравится. Только ты забыл кое о чем.

– О чем же, родная? – Максим попытался схватить ее за руки, но она увернулась. – О том, что ты обещала никогда не оставлять меня? Или о том, что ты меня любишь?

– О, конечно! Только если ты, мой родной, не развернешь этот самолет немедленно и мои родители пострадают, я никогда, никогда этого тебе не прощу. Можешь тогда держать меня связанной до конца жизни, потому что стоит тебе выпустить меня из своих жарких объятий, я пойду сама к твоему отцу – чтобы отомстить за все!

– Арина! – Максим дернулся, как от боли. – Поклянись мне, слышишь, что ты никогда, ни при каких обстоятельствах не приблизишься к моему отцу? Пообещай мне немедленно!

– А ты развернешь самолет? – хмуро уперлась Арина. – Я говорю совершенно серьезно. Я не собираюсь прятаться у Ричарда, пока мои родители рискуют жизнью.

– Я могу сам о них позаботиться, – неуверенно предположил Максим.

– Еще минуту назад ты не помнил о них, – спокойно уронила Арина и уверенным шагом прошла в холл. Эльвира, стюардесса, сидела на кресле около уже совсем посветлевшего иллюминатора и листала журналчик.

– Эльвира! – воскликнула Арина. – Мы разворачиваемся обратно.

– Что? Максим Константинович? – На их голоса из комнаты отдыха материализовался Аркадий, за ним Ричард.

В следующие десять минут все орали – хором, не сговариваясь и не слушая никого. Только Эльвира стояла чуть в стороне от этого сумасшествия и с изумлением наблюдала за тем, как трое взрослых мужчин нависли над худенькой, как тростинка, синеглазой девушкой и брызжут слюной от ярости. А затем разом все замолчали, а «тростинка» подняла вверх руку и посмотрела Эльвире в глаза.

– Мы разворачиваемся, – твердо проговорила она. – Сделайте это, и после мы нормально поговорим.

– Да с тобой невозможно нормально говорить! – взвился Максим.

– Мною невозможно командовать как вздумается, – Арина сказала, как отрезала. – А договориться со мной можно. Особенно если при этом не угрожать меня связать или, к примеру, убить моих родителей.

– Я ничего не собирался делать! И никогда бы не сделал! – оправдывался Аркадий. – Как еще я должен был поступить?

– Поговорить с Максимом до того, как швырять меня об стену! – вскипела Арина и, оправив юбку, церемонно прошла к столу, присела на краешек стула и послала выразительный взгляд Эльвире, та – вопросительно глянула на Аркадия.

– Елки-палки, ну почему с вами так сложно, Арина Петровна?! – Он повернулся к Эльвире: – Попросите пилота запросить коридор на разворот.

Максим чертыхнулся и вышел, не взглянув на Арину. Через несколько секунд она услышала какой-то грохот, будто кто-то решил кулаком сокрушить пластиковую стенку.

– Самое умное в нашей ситуации – расколотить самолет? – пробормотала Арина.

Ричард подошел к ней и взял ее за руку.

– Я понимать вас, Айрин! – сказал он грустно.

– Правда? – Арина посмотрела на него с надеждой. – Это мои мама и папа. Это же совершенно нормально, да?

– Нет. Не знаю. – По лицу Ричарда пробежала тень. – Если господин Коршунов действительно убивал эта несчастная девушка, то он убивает любого, кто выяснять это.

– Что? – Арина замерла, прокручивая в сознании то, что сказал Ричард. Ей не приходило в голову, что убийца – отец Максима, поэтому у нее не было времени оценить последствия такого поворота событий.

– Ричард прав, – Аркадий аккуратно налил себе кофе из стеклянного кофейника, принесенного Эльвирой. – Вспомните, как я испугался, когда увидел этот чертов рисунок у вас в квартире. Вы его просто бросили на столе, как какую-то мелочь. Очередной набросок из миллиона тех, что рисует Максим в бессонные ночи. У него их было так много, и рисунков тоже. А вы и не понимали, что валяется у вас на столе!

– Мне потребовалось время, чтобы выяснить, что же вас так напугало, – призналась Арина.

– Но вы сразу поняли, что я напуган. Так вот, я боялся не за себя и даже не за вас, уж вы меня простите.

– Вы боялись за Максима! – поняла Арина.

– Один раз отец уже чуть не убил его. Как вы понимаете, это случилось, когда Максиму было шесть лет.

– Я не понимаю, – возразила Арина. – Я ничего уже не понимаю. Вы говорите мне слова, но они не собираются в смысл. Как такое возможно? Родной сын? Это каким нужно быть человеком...

– Моим отцом, – раздался голос из темноты коридора. Максим вернулся и сел за стол. Дрожащими руками он взял чашку и отхлебнул из нее.

– Максим.

– Да, дорогая. Всего лишь моим отцом.

– Может быть, мы ошибаемся? Может быть, это был не он? – Арина цеплялась за соломинку. – Ведь на рисунках его нет.

– Вы пейте кофе, – как ни в чем не бывало предложил Аркадий. – Все возможно. Но проверять, правда это или нет – смертельно опасно. Впрочем, мы можем попытаться разобраться в кое-каких деталях, пока мы еще в воздухе. Как я понимаю, у нас снова есть пара-тройка часов, пока мы не вернемся в Москву. Давайте потратим их на анализ. Ричард, будьте так любезны, принесите



рисунки.

– Ты уверен, что это необходимо? – нахмурился Максим.

– Никто не знал, куда делась та девушка. Может быть, если мы поговорим об этом, тебе станет легче?

– Или хуже, – беспокоилась Арина.

– Давайте обсудим. Арина в любом случае только и делает, что заставляет меня говорить о прошлом. Отчего бы не сделать этого снова. – И Максим демонстративно улыбнулся, не давая Арине забыть, кто заставил его сделать эти рисунки.

– Не будем выяснять отношения, у нас нет на это времени, – сухо одернул их Аркадий. Подошел Ричард и положил на середину стола пачку карандашных набросков. Если не учитывать всего, что связано с тем, о чем они рассказывали, ими можно было бы восхищаться – их точностью и глубиной.

Максим определенно талантлив, и то, что он с самой юности занимался фотографией, совершенно понятно. Каждая сделанная им фотография так же ярка и четка и говорит с тем, кто смотрит на нее, на своем языке. В каждой его работе – история. В этой, получается, история убийства.

Арина привстала и осторожно, как ядовитую змею, подцепила рисунок – обнаженная девушка с колокольчиком в соске стоит вполоборота. Она улыбается, но от этой улыбки мороз по коже. К другим рисункам Арина боялась даже притронуться – настоящие кошмары.

Это за нее сделал Аркадий.

– Возможно, вы спросите у меня, как так вышло, что я сразу ее узнал, – сказал он, сохраняя нейтральное выражение лица и спокойный тон. – Видите ли, у меня очень хорошая память на лица. Это профессиональное, Максим может вам подтвердить. Мы всегда изучаем биографии всех наших партнеров, а уж таких крупных, как Саша Воронков, – особенно внимательно. Что они любят, чего боятся, каково их семейное положение. В бизнесе все может быть важно.

Я видел фотографию, и я видел фильм, в котором рассказывали об исчезновении его дочери. Вот почему я узнал ее, понимаете? Вы знаете, что мы с Воронковым ведем дела, не правда ли?

– Я знаю очень мало, – в тон ему, спокойно произнесла Арина. Интуитивно она понимала, что все, что они обсуждают здесь, на высоте девяти тысяч метров, смертельно опасно. И нужно быть очень осторожными, чтобы не ухудшить положение.

– Я понимаю. Я постараюсь вас всех просветить. В том числе и тебя, Максим. Арина Петровна совершенно права, и лицо, которое ты нарисовал, это лицо реальной Екатерины Воронковой. Но вот одно меня смущает. Мы начали работать с Воронковым лет через пять после того, как пропала его дочь. Мы никогда не встречались с ним до этого, и я никак не могу сложить вместе два этих факта – ее исчезновение и твои рисунки. Вы никогда и никак не пересекались.

– А может такое быть, что Максим тоже увидел ее портрет по телевизору и стал видеть ее в кошмарах? – предположила вдруг Арина. Все, в том числе и Ричард, задумались.

– Сложно сказать. Теоретически... наверное. На деле – вряд ли, – сказал Аркадий.

– В любом случае мы не знаем, что случилось, – возразила Арина. – Давайте от этого и отталкиваться – от того, что мы НЕ знаем. Мы понятия не имеем, где произошло убийство. И как – тоже не знаем, только предполагаем, – добавила Арина, слегка холодея от страха. Игра превратилась в реальность, они все играют в странную «мафию», где убийство произошло в действительности, но невозможно сказать, кто убийца.

Максим не может быть мафией, сама Арина тоже знает, что она – не мафия. Аркадий как будто теперь вне подозрений, но можно ли утверждать это наверняка? Отец Максима? Ричард? Какое-нибудь неизвестное третье лицо?

– А мы даже не знаем, было ли совершено убийство. Ведь тело так и не нашли, – воскликнул Максим. – Подумаешь, рисунки. Этого совершенно недостаточно, чтобы говорить об убийстве с такой определенностью, вам не кажется? В конце концов, я могу все же оказаться сумасшедшим! Давайте надеяться на это?

– Забавляешься? – хмуро буркнул Аркадий.

– Нету тела – нету дела, – пожал плечами Максим.

– Н-да, интересная мысль. Что, где, когда и как? И чем, и почему, и что потом случилось с телом.

– Слишком много неизвестный about Екатерина Воронкова, – согласился Ричард, но в этот самый момент у Арины вдруг появилась мысль, которая обожгла ее своей простотой.

– Мы можем легко выяснить, «когда», – заявила она. – Если это убийство действительно случилось и случилось при маленьком Максиме, это значит, что ваша Екатерина должна была пропасть в тот же самый день, когда Максим был ранен в грудь. Или раньше.

Все замолчали, настороженно переглядываясь. Аркадий встал и выглянул за дверь в коридор, в сторону кабины пилота. Закрыв дверь поплотнее, он повернул ключ в замке.

– Арина Петровна права. Мы можем сделать это. Определенно, если мы правы, то все события должны были произойти практически день в день, когда ты, Максим, был отправлен в пансион. И если все – правда, то я наконец понимаю, из-за чего Коршунов решил тогда избавиться от своего родного сына.

– Вы все его бросили, – в словах Арины против ее воли прозвучало обвинение. – Не только Коршунов, вы тоже.

– Аркадий приезжал ко мне почти каждый месяц, – и снова Максим вступился за Аркадия.

– Ага, приезжал проверить, не заговоришь ли ты! – воскликнула она.

– Именно! – кивнул Аркадий, и Арина заметила, что он сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели. – Именно так. Я хотел, чтобы он заговорил. Я понятия не имел, отчего мальчик вдруг стал на себя не похож. И почему он замолчал – я тоже не знал. Так что, конечно, я ждал, чтобы он пришел в норму,

восстановился и вернулся к нормальной жизни. И я совсем не возражал, когда Коршунов потребовал, чтобы из его дома, цитирую, «убрали этого ненормального мальчишку». Я решил, что ему будет лучше вдали от такого отца!

– Простите, – пробормотала Арина, старательно разглаживая края салфетки.

– Ничего. Я понимаю ваш скептицизм, Арина Петровна. Давайте я расскажу вам, как это все произошло. Я приехал однажды к Коршунову, он тогда жил в коттедже недалеко от Красногорска.

Аркадий бросил взгляд на Максима.

– Я обнаружил тебя, Максим, в твоей комнате, ты был весь в крови, она сочилась у тебя из-под какой-то дурацкой, неумелой повязки, черт его знает, кто ее тебе накладывал. Твой отец был пьян и, скорее всего, под наркотиками. Гремела музыка, и никто, ни одна живая душа не интересовалась, как ты. Твой отец танцевал в холле, а ты – ты сидел около кровати и смотрел в потолок. Я подошел к тебе и спросил, что с твоим плечом, а ты ничего не ответил. Так и смотрел на меня и не говорил. Мне не удалось добиться ни единого словечка. Будто в одночасье из совершенно нормального мальчишки ты вдруг превратился в аутиста. Я, конечно, переменял тебе повязку и спросил твоего отца, что с тобой случилось. Так вот, Коршунов сказал мне, что уже вызывал «доктора» и теперь ты уже успокоился. Потому что был «инцидент». Я думаю, тебя тогда накачали каким-то успокоительным.

– Но что все-таки случилось? Что сказал его отец? – тихо спросила Арина и вдруг увидела усталый взгляд больных старых глаз. Он и правда переживает – до сих пор. Неужели такой человек способен кого-то любить?

– Коршунов сказал, что Максим выпал из окна и поранился о железку, но ни места, ни железки не показал. Наоборот, когда я пытался расспросить его – я хотел узнать, надо ли делать противостолбнячную прививку – Коршунов принялся на меня орать и полез с кулаками. Признаться честно, я решил, что знаю, что именно произошло. Я слишком хорошо знаю твоего отца, чтобы поверить в эту историю с железкой.

– Ты решил, что я стал свидетелем какой-нибудь омерзительной, чудовищной оргии, которые так любит мой папочка, да? – спросил Максим, и на губах его появилась горькая усмешка.

– Да, что-то в этом роде я и подумал, – кивнул Аркадий. – Видите ли, Арина Петровна, в доме Коршунова, что в новом, что в старом, есть места, где легко можно пораниться обо что-то. И люди там часто ранятся. В основном, правда, по доброй воле...

– Достаточно! – взмолилась Арина.

– Да? Вот и мне тоже было достаточно, поэтому я не стал лезть в детали. Твой отец сказал, что при падении ты ударился головой и теперь несешь всякую чушь. Что тебя нужно отправить в частную клинику, чтобы тебе вправили мозги.

– Что вы и сделали, – кивнула Арина.

– Потому что так было лучше для Максима. Но пансион я выбрал сам. Никаких клиник. Коршунов только услышал, что это в Шотландии, и сразу согласился. Я тут же увез Максима, формальности мы утрясли позже. Вы не представляете, что можно сделать за деньги.

– Я начинаю догадываться, – усмехнулась Арина.

– Я боялся, что Коршунов может снова навредить ему. И так Максим не разговаривал ни с кем целый год, а еще в пансионе он начал видеть кошмары.

– Кошмар он увидел до пансиона, – возразила Арина, – и он был вполне реален.

– Между прочим, – тихо рассмеялся Максим, – психиатры из пансиона убедительно доказали мне, что мои кошмары – плод моего больного воображения. Забавно, что теперь мои кошмары накрывают меня снова. Однако вопрос, как я понимаю, в том, когда именно я «упал на железку». И что, есть возможные способы узнать это так, чтобы об этом не донесли моему отцу? Уточнять что-либо в пансионе не советую. Уверен, что оттуда папочке донесут непременно.

Все напряженно молчали в течение нескольких бесконечных минут, Ричард сосредоточенно копался в своем планшете, а Аркадий смотрел в одну точку, и лицо его передавало все напряжение, словно бы он пытался вспомнить фамилию актера, и фамилия эта вертится на языке, но ускользает, ускользает. Максим глубоко вздохнул и прервал тишину:

– Арина, ты же понимаешь, что после стольких лет сложно что-либо вспомнить...

– Двенадцатое апреля, – перебил его Аркадий. Короткая фраза повисла в воздухе, и все замерли, изумленно повернулись к Аркадию, а потом все пришло в движение. Максим, стоявший около большой плазменной панели на стене, которую он разбил пару часов назад, прикоснулся к месту удара так, словно забыл, откуда оно тут появилось и кто это сделал. Несмотря на паутину трещины, плазма безмолвно «крутила» умиротворяющие пейзажи. Он покачал головой.

– Ты не можешь помнить точную дату. Вдруг ты перепутал!

– Я не перепутал, – спокойно ответил ему дядя.

– Вы уверены? – переспросила Арина. – Как такое возможно? И число и месяц?

– И даже время, – кивнул Аркадий.

В полной тишине он налил себе холодной минеральной воды в хрустальный бокал и жадно, одним залпом осушил его. Арина тоже почувствовала жажду, но не двинулась с места, будто боялась спугнуть его.

– Это кажется странным, да? Наверное, я старею, потому что какие-то вещи из далекого прошлого я помню куда лучше, чем то, что я ел вчера на обед. Не все, конечно, но этот день я помню. Двадцать три года назад я ехал к Коршунову на своей «Субару», а по радио шла документальная передача про первый полет в космос, который, по словам ведущих, «случился сегодня, только много лет назад». То есть в тот день, когда я ехал. Ведущие несколько раз повторили это, и я помню их голоса, кашляющий смех мужчины, он был таким раздражающим. «Сегодня, двенадцатого апреля, мы отмечаем великий праздник, который никогда не забудется и не устареет». Так они сказали. Первый полет в космос – его будут праздновать каждое двенадцатое апреля

всегда. Обсуждали жизнь Гагарина и то, какими причудливыми поворотами изобилует жизнь. Я ехал достаточно долго, так что у меня было время прослушать всю передачу. Шел дождь, кругом была слякоть, а у меня закончилась вода в омывателе, и лобовое стекло стало мутным, приходилось ждать, пока наберутся капли, чтобы включить «дворники». Приехав в коттедж Коршунова, я нашел его в таком состоянии, что про себя подумал тогда – он тоже, наверное, всю ночь в космос летал. Ну, вы понимаете... – Аркадий скривил губы в горькой улыбке.

– Господа! – громко и четко обратился ко всем Ричард. – Получается, Константин Коршунов не мог убивать ее в эту ночь.

– Что? – повернулся к нему Максим. – Ты уверен?

– Я... да, если только Аркадий не перепутывает что-либо. – Ричард развернул свой планшет экраном ко всем. На экране застыло лицо Екатерины, такое, каким его показали по телевизору. Другая прическа, не совсем такая, какой ее запомнил и теперь видел во сне Максим. Фотография, использованная для фильма, была сделана на несколько месяцев раньше.

– Ekaterina Voronkova had been reported disappeared on April 14-th. Late evening of April 13-th she was last seen coming out of Praga Restaurant in Moscow, and no one has seen her since then[4 - О пропаже Екатерины Воронковой заявили четырнадцатого апреля. Поздним вечером тринадцатого апреля ее видели выходящей из ресторана «Прага» в Москве, и с тех пор ее никто больше не видел (англ.)], – проговорил ведущий. Ричард снова остановил запись и перевел фразу Арине. Повисла пауза, продлившаяся на этот раз дольше. Аркадий встал, положил ладонь на планшет и посмотрел сначала на Ричарда, затем на Максима с Ариной.

– Вот мы все и выяснили, да? Здорово! – пробормотал Аркадий. – Никто никого не убивал.

– И все же это странно. Так близко, – нахмурился Максим. – Совпадение?

– Я не знаю, Макс, не могу понять, – согласился Аркадий. – Но двенадцатого апреля ДНЕМ я уже был у вас дома. После этого ты был со мной все время вплоть до помещения тебя в пансион, понимаешь? Ты не мог... не видел...

– То есть... ты хочешь сказать, что я не видел Екатерину Воронкову? – растерялся Максим.

– Но как же тогда... сны? Рисунки? – растерянно уронила Арина.

– Сны... да. Но это же документ, – задумчиво пробормотал Аркадий. – Официальный документ. Получается... Максим не мог ее видеть.

– Значит, рисунки – все-таки плод моего больного воображения. Забавно, да? – усмехнулся Максим. Арина хотела ответить ему, но тут зашипели динамики у них над головой.

– Внимание, пожалуйста, наш самолет получил «добро» на посадку в аэропорте Внуково. Все пассажиры должны занять свои места и пристегнуться. Мы начинаем снижение.

Хриплый голос из динамиков раздался неожиданно, и тут же Арина почувствовала легкое изменение наклона пола. Да, они идут на посадку. Скоро они будут дома. Они заберут ее родителей, и все будет хорошо.

– Максим Константинович! – в дверях показалась Эльвира, она смотрела на всех с упреком. – Пожалуйста, сядьте и пристегнитесь.

Максим посмотрел на Эльвиру невидящим взглядом и вернулся к Аркадию.

– Я думаю, нам не стоит ни о чем никому говорить. Оставим эту историю в прошлом, – сказал Аркадий, пристегивая ремень. – Максим, пристегнись, не огорчай Элечку.

Максим демонстративно отошел к столу и принялся разливать минеральную воду в стаканы – для себя и для Арины. Эльвира укоризненно на него посмотрела, но спорить не решилась, ушла.

– Мы не будем трогать эту историю, Арина Петровна, – сказал Аркадий вкрадчиво, осторожно, просительно.



– Но...

Максим сел рядом и кивнул Аркадию.

– Мы оставим все как есть, – сказал он твердым голосом, и его рука легла на холодную ладонь Арины. Ее снова начало трясти, то ли от холода, то ли от страха, то ли от чего-то большего, от предчувствия, справиться с которым она не могла.

– Это неправильно. Что-то тут не так.

– Возможно, – согласился Максим. – Что-то не так со мной. Хоть теперь ты это пойми, моя принцесса. А сейчас мы просто заберем твоих родителей, а потом решим, что делать, чтобы мой отец оставил нас в покое. Он достаточно опасен сам по себе, безо всяких призраков прошлого, тем более несуществующих, как выясняется. Я вступлю с ним в переговоры. Сейчас мы сделаем вид, что ничего не произошло. Сделаем вид, что Аркадию удалось уговорить тебя расстаться со мной. Ричард вернется в Англию и тоже будет делать вид, что все нормально. Все нормально, да, Ричард?

– Твой отец никогда не быть глупый человек, – нахмурился Ричард, но Максим отвернулся, никак не прокомментировав это.

– Просто делай, что я скажу, и все, хорошо? Обещаешь? – Он поймал Аринин взгляд и смотрел на нее пристально, ожидая только единственного ответа.

– План «А», – кривая усмешка перекосила горящее от возмущения лицо Арины.

– И план «Б» и «Ц» и все, что может понадобиться, – зло бросил Максим. – Когда ты начнешь меня слушаться?

– Послушайте меня, Арина Петровна, – вмешался Аркадий. – Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, и любой нормальный человек чувствовал бы то же самое. Максиму очень повезло встретить вас. Не так часто в нашем мире появляются люди, которые понимают разницу между добром и злом. Но никому не удастся оставаться невинными в нашем аду. Вы же любите Максима... В таком случае забудьте обо всем. Улетайте и будьте счастливы. Не стоит злить Коршунова,

поверьте мне. Если он почувствует угрозу, он не пожалеет ни вас, ни даже своего сына. Если он будет биться за свою жизнь.

6

Константин Коршунов не был глуп. Глупцы не выживают в тех обстоятельствах, из которых Константину Коршунову удавалось выбираться целым и невредимым. От природы он обладал рядом ценных качеств, всегда выручавших его в трудные минуты. Парадоксальным образом этими качествами были те, о которых всегда говорили как о недостатках. По прошествии лет Коршунову стало казаться, что вся имеющаяся система моральных устоев создана, возвращена и старательно культивируется, чтобы скрыть от людей правду, которая не менялась, оставаясь одинаковой на протяжении тысячелетий. Для людей и для зверей.

Выживает сильнейший.

Это означало не только и не столько физическую силу, хотя и в ней Константин Коршунов никогда не чувствовал недостатка, всегда наслаждаясь своим крепким, сильным и здоровым телом. В здоровом теле здоровый дух. Главным качеством было отсутствие так называемой совести.

Как это смешно – требовать от людей остановиться, убрать руки от чужого, не добивать поверженных и проявлять милосердие к врагам, когда именно в этом и заключается путь к процветанию. Все люди устроены одинаково. Все хотят тебя либо обобрать, либо трахнуть. В большинстве случаев они хотят и того и другого. И ты сам, ты тоже хочешь этого, и не надо разводить сопли. Надо быть честным с самим собой. Надо признавать, кто ты есть. Кто-то назовет тебя чудовищем, но ты всего лишь практичный человек, который избавился от совести еще в юности.

Вторым важным качеством является умение предать.

Вовсе не так легко, как кажется, и требует огромного напряжения внутренних сил. предавать людей нужно по-умному, чтобы дивиденды превзошли потери,

чтобы последствия не были катастрофическими, а вина оказалась бы переложеной на кого-нибудь другого. Предательство и ложь – вот самое настоящее искусство, а не какие-то жалкие картинки и фотографии. Говорить правду легко и бессмысленно. Дезинформация, грамотно продуманная и высчитанная стратегия, подмена понятий и методичный обман приводят к куда лучшим результатам, если, конечно, делать все правильно и не бояться рисковать. Те, кто придумал концепцию «честные деньги – честный бизнес», были те еще шутники. Честные деньги всегда было легче всего отнять, а честный бизнес не имел надежды на выживание.

Еще одно незыблемое правило Константина Коршунова гласило – что бы ни случилось, береги репутацию.

Ты можешь быть одуревшим от денег наркоманом, ты можешь привязывать к столбу в своем подвале каждую ночь по новой девушке и хлестать их своей любимой плеткой, пока они не потеряют сознание, но все это ты можешь делать в тиши собственного подвала. С деловыми партнерами и с деловой репутацией нужно обращаться нежно, как с девственной дочерью королевской семьи. Нужно знать этикет и правильно целовать руки. Но это не означает запрет на «обобрать» и «трахнуть». Просто все нужно делать в соответствии с церемониалом.

Никому не верь, никого не бойся, ни у кого не проси.

Тюремные истины – самые верные, ибо каждое слово выбито кровью тех, кто, на свою беду, не последовал им. Константин Коршунов в тюрьмах не сидел, ибо, смотри выше, умел лгать и манипулировать людьми так, что за его грехи всегда отвечали другие. Но тюремные истины знал и применял. Никому не верил, кроме самого себя, и не раз убеждался, что любой человек способен предать, но никто не способен любить. Никого не боялся, зная прекрасно, что страх – это слабость, а выживает только сильнейший. Ни о чем не просил, предпочитая забрать насильно, украсть, уничтожить, но не договориться.

Всегда будь готов убивать.

Константин Коршунов понятия не имел, где в Москве находится такой район – Кузьминки. Коршунов не любил Москву, но не любил он в основном ее центр, Новый Арбат с его пробками, дурацкую пародию на Нью-Йорк, торчащую

нелепыми выбитыми зубами недалеко от Третьего транспортного кольца – так называемый Москва-Сити, где располагался офис Коршунова. Высоко, ближе к небесам. Он там почти не бывал, не любил высоты. По той же причине не любил летать на собственном самолете, предпочитая посылать Аркашу. У каждого – свои фобии. У Арины, синеглазой прошмандовки, которую завел себе его сынок, это была вода. А у Коршунова – высота. Только он, в отличие от этой соски, умел со своими фобиями справляться.

– Вон тот дом, – один из двух охранников-мордоворотов, которых Коршунов держал рядом, указал пальцем на страшненькую, грязную пятиэтажку. И зевнул. Вставать в пять утра – этого Жека не любил, но раз боссу какая-то вожжа под хвост попала, спорить не приходится.

– Ты уверен, что она на месте?

– Она там, – кивнул Сеньтяй, второй охранник. – С вечера никуда не уезжала. Телефон на месте, она разговаривала по нему.

– Хорошо, – пробормотал Коршунов, продолжая проигрывать в голове комбинацию. Приезжать сюда, в эти Кузьминки, не было никакого повода, кроме разве что специфического внутреннего ощущения, которое Коршунов хорошо знал и которое редко его подводило. Он, что называется, «задницей чуял», когда его хотели обобрать или трахнуть, и с тех пор, как появилась чертова Белоснежка, это чувство его не покидало. Кто знает, что там происходит – в голове у его сына. Одно можно было утверждать с уверенностью – от Белоснежки следовало ждать проблем.

– Привести ее? – спросил Сеньтяй, а Жека, сидевший за рулем черного «Мерседеса», обернулся в ожидании указаний. «Мерседес» – потому что незачем выпендриваться и привлекать к себе внимание дорогими машинами, особенно когда ты в Кузьминках. Нужно быть ближе к народу.

– Жди, Сеня, – покачал головой Коршунов. Оба мордоворота – и водитель, и Сеньтяй – кивнули и застыли, стараясь не мешать шефу думать. Жека прикрутил радио. Оба они надеялись, что верная служба Коршунову вознесет их на вершины мира. Каждый день мог стать уникальной возможностью, когда ты возвращаешься по обжигающе горячей орбите планеты Больших Денег. Оба они были готовы на все или почти на все ради своего господина. По крайней мере,

пока их господин стоял на вершине, как царь горы. Таких подручных Коршунов за долгие годы сменил немало. Многих похоронили с почестями на Ваганьковском. Некоторым пришлось просто исчезнуть. Жди, Сеня.

Коршунов освежил в памяти последний доклад Аркаши. Ничего особенного, ничего подозрительного. Вся информация подтверждалась, не было никаких причин перепроверять ее лично. Тогда откуда такое чувство, что Аркаша лжет? Да все оттуда же. Аркаша всегда был на его стороне, за исключением случаев, когда дело касалось Максима. Как, например, сейчас. Все из-за Максима. Неизвестно что. Аркаша умеет молчать, он всегда спокоен и сосредоточен, но он так же прекрасно умеет врать и предавать. Нельзя забывать об этом. Риск не узнать правды выше, чем риск вызвать ненужные подозрения. Плевать на подозрения. Плевать на Аркашу.

– Да, приведи ее, Сеньтяй – скомандовал Коршунов. – Ты ее ни с кем не перепутаешь?

– Жека, дай еще раз глянуть? – Сеня взял в руки распечатанную фотографию – портрет рыжеволосой девушки, выходящей из новенькой машинки-иномарочки. На что только не способны женщины ради машинки.

– Дешевка. – Жека приоткрыл дверцу автомобиля, перегнулся и сплюнул на асфальт. – Хной красится.

– Дешевка, говоришь, – задумчиво протянул Коршунов. – Вот и Аркаша говорит, что дешевка.

– Аркадий знает, о чем говорит, – пробормотал Сеньтяй уважительно.

– Да, да. Знает, – согласился Коршунов. – Иди, иди.

Подруга Белоснежки чуть ли не сама запросилась к ним, предлагая доносить на девушку Максима за весьма скромное вознаграждение. Не такое, правда, скромное, чтобы продолжать жить в этой дыре рядом с метро «Кузьминки». Но это было условием сделки – не менять место проживания, продолжать вести прежний образ жизни, чтобы не вызвать подозрений у Белоснежки.

Если только Белоснежка в принципе способна на подозрения.

Согласно отчетам, которые были предоставлены Аркашей, Белоснежка была непуганой идиоткой, полной романтических идей о любви и счастье. Она не лгала, верила людям, лечила зверушек и позволяла Максиму развлекаться с нею на манер, который его отец вполне понимал и одобрял. Вот только... в последнее время все стало меняться странным, неправильным и непредсказуемым образом. К примеру, Максим решил жениться. С чего бы вдруг?

**ЖЕНИТЬСЯ!**

Шантаж? Какая-то непонятная пока игра с его стороны? Или с ее? Интересно то, что именно после визита Аркадия к Белоснежке с вежливым предложением убираться подобру-поздорову идея жениться посетила ветреную голову коршуновского сына. Может быть, Аркадий неправильно оценил фигуру Белоснежки? Он оценил ее как пешку, она же действовала как ладья. Свадьба не входила в планы Коршунова. Ошибся Аркаша или намеренно ввел своего босса в заблуждение, блудя интересы Максима, – это и хотел выяснить Коршунов, когда приказал притащить Нелли в свой «Мерседес». Но сообщать подручным о своих резонах Коршунов не собирался. Использовать людей лучше всего вслепую.

Константин Коршунов улыбнулся, представляя, как Сеньтяй звонит в дверь квартиры, как на вопрос «Кто там?» отвечает «Сосед сверху». Соседям всегда открывают двери. А дальше... вряд ли Сеньтяю понадобится много времени, чтобы убедить Нелли пройти с ним в машину. У нее только два варианта – пойти добровольно или пойти против воли. Сеньтяю одинаково хорошо даются обе «доставки».

Они появились во дворе минут через десять. Нелли шла по доброй воле, по крайней мере на первый взгляд. Потрепанная заспанная девица, не привыкшая вставать в такую рань. Бледная, полноватая, на лице несколько прыщей. Неухоженная. Простая, с такими Коршунов не имел дела давным-давно. Все его женщины были, как картошка в «Макдоналдсе», подобраны по одному размеру, высокие и стройные, одинаковые, великолепно ухоженные, осведомленные, искушенные и тоже, возможно, генно-модифицированные. Эта была другая, она боялась по-настоящему и надеялась, что пронесет. Она застыла на мгновение у раскрытой двери черного, затонированного

«Мерседеса», и ее жалкая улыбка, улыбка жертвы, была такой искренней, что у Константина внезапно зачесались ладони.

А почему нет? Что ему будет? Соединить приятное с полезным.

– Доброе утро, – произнес он ровным, чтобы не сказать радушным тоном, скользнув при этом взглядом по разрезу мятого, скорее всего, домашнего платья. Значит, Сеньтай не дал девушке переодеться, вывел из квартиры в чем была. Только позволил накинуть плащ на плечи и всунуть голые ступни в полуботинки. Это правильно, это сразу выбивает из зоны комфорта, пугает, заставляет быть очень, очень сговорчивой. Это показывает, в чьих руках власть.

– Доброе. – Ее голос дрожал, но она постаралась скрыть это, призвав на помощь всю свою природную наглость. Но карие глаза испуганно хлопали, следили за каждым движением Коршунова, и следы плохо смытой с вечера косметики повеселили его. Вот ведь какая... Что общего могло быть у нее и принцессы с фотографий, сделанных Максимом? Поверить трудно.

– Вы знаете, кто я? – спросил Коршунов, и Нелли кивнула, судорожно сглотнув.

– Вы – отец Максима, – пробормотала она и побледнела еще больше, когда Сеньтай бесцеремонно подтолкнул ее ближе к самому Константину Коршунову, а сам сел рядом. Она оказалась зажатой между ними. Она заметила, как мужчины переглянулись, но не поняла, что они передали друг другу глазами. Нелли лихорадочно гадала, в чем причина этого раннего визита, и визита не сухопарого Заказчика, к которому Нелли успела привыкнуть за прошедшие месяцы, а самого Коршунова. Господи, а вдруг он пришел, чтобы ее убить? Но за что? Нет, он пришел, потому что ему что-то нужно. А вдруг ему нужно ее убить? Нет, если бы он хотел ее убить, он бы просто велел кому-нибудь это сделать. Хоть бы тому же громиле, что глумливо на нее зырит. Даже одеться не дал, падла.

– Я всегда думал, что я представляю из себя что-то еще, помимо чести быть отцом Максима, – усмехнулся Коршунов, но глаза его были холодными.

– Я... не это хотела... я просто сказала... – Нелли запаниковала в душе. Это было выше ее возможностей. Как можно остаться спокойной под этим ледяным взглядом? – Я знаю, кто... вы...

– Это хорошо, что не нужно представляться, – ответил Коршунов и вытянул руку, прикоснулся к плечу Жеки. – Поезжай.

Машина тронулась с места, и сердце Нелли ухнуло куда-то вниз, дышать от страха стало трудно. Коршунов смотрел на нее спокойно и с любопытством и вдруг поднес руку к ее голове, к растрепанным волосам и мягким движением убрал их на другое плечо, оголив ее шею.

– А вы симпатичная девушка, Нелли, – сказал он ей и этим окончательно запутал. Он что, хочет ее? Это возможно? Нет, это неправильно. Невозможно, зачем она ему? Или... может быть, он видел ее фотографии, может быть, Аркадий показывал их, и она понравилась? Какие возможности это перед ней открывает? Какие опасности несет? Нелли постаралась успокоиться и глубоко вдохнуть.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Не за что, – рассмеялся Коршунов, а «Мерседес» ускорился, направляясь прочь от Москвы.

– Куда мы едем? Чего вы хотите? – Нелли хотела бы, но не могла больше сдерживаться. Ей было страшно.

– В одно место, где нам никто не помешает... поговорить.

– Поговорить? – переспросила Нелли. – Я готова сказать вам все, что может быть интересно.

– Я понимаю, – кивнул Коршунов с каким-то веселым сочувствием. – Мне этого мало.

– Вы... я сделала что-то не так? – пролепетала Нелли.

– Пока что нет, – покачал головой Константин, поднес руки к ее плечам и аккуратно стянул плащ. Тело Нелли одеревенело от этого простого, но говорящего столь о многом жеста. Коршунов отбросил ее плащ на переднее сиденье и вновь посмотрел на свою жертву. В глазах его плескался азарт. Его руки потянулись к домашнему платью.



– Не надо! – вскрикнула Нелли, и Коршунов тотчас же отдернул руки.

– Ты хочешь раздеться сама? – спросил он удивленно, заставив Нелли помертветь. Несколько секунд длилась пауза, а затем сильные мужские руки бесцеремонно сорвали с нее платье и трусики. Бюстгальтера на ней не было. Горилла, что пришел за ней в квартиру, заржал, когда перепуганная Нелли, голая, осталась зажатой между ними на заднем сиденье. «Мерседес» летел по пустым дорогам за город.

7

Он не планировал этого заранее, он всего лишь не смог удержаться. Соблазны, низменные желания, темные мысли – из них соткано ночное небо этого мира, и кем же он станет, если прекратит поддаваться им – роботом? Константин Коршунов не был роботом, хотя порой мог казаться им. Жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в такой малости, как поиграть на чувствах испуганной глупой девицы с крашенными хной волосами и пикантной бабочкой-тату на ягодице, за которую хочется укусить. Может быть, он так и сделает.

Что может пойти не так, в конце концов?

Подруга Белоснежки любит деньги, а значит, можно будет утереть ее слезки купюрами – потом. А пока ее страх, ее глупые коровьи глаза, дешевые ужимки и такая обычная, с целлюлитом и лишним весом фигура, подпрыгивающие груди – каждый раз, когда машина налетала на небольшую кочку, – все это заставляло сердце Коршунова сжиматься в сладком предвкушении. Страхом можно питаться, он калорийнее круассанов в парижских кафе.

Охранники были сосредоточены и серьезны, когда вытаскивали Нелли из машины за волосы – чтобы заранее показать свои честные намерения. Она закричала, и парни никак не воспрепятствовали этому, так как хорошо знали, что, во-первых, ее крики нравятся Коршунову, а во-вторых, никто все равно не услышит.

Разве что кто-то случайно забредший в этот лес вплотную к заброшенной стройке.

Коршунов давно и хорошо знал это место, одно из тех, что он облюбовал для разных забав. Здесь, среди ветра, дождя, камней и бетона, все приближалось к абсолютному нулю, к неопровержимой истине, и грань между жизнью и смертью была такой четкой, как горизонт над закатным морем. Люди, которых приводили сюда – женщины, которых они привозили, – никогда не знали, смогут ли уехать отсюда живыми. Нет, игра была не в том, чтобы убить, а в том, чтобы иметь эту бесконечную власть над обнаженным, беззащитным человеческим существом, трепещущим перед тобой в смертельном ужасе.

То, что нужно. Это делает тебя богом, по крайней мере на несколько минут.

Сильные, глухие к Неллиным мольбам парни протащили ее, голую, по такому же голому бетону, усыпанному мусором и осколками битых бутылок. Коршунов стоял чуть поодаль и смотрел, как его прислужники привязывали жертву к металлической балке посреди полуразрушенного подвала. Обнаженное тело покрылось мурашками и слегка посинело. Холодно. Глубокая осень.

– Ты будешь вести себя хорошо? Будешь вести себя как положено женщине? – спросил Константин, подходя ближе. Руки были зафиксированы так высоко, что и грудь задралась. Веревка больно впивалась в запястья, и чтобы хоть как-то ослабить ее натяг, Нелли невольно приподнималась на мысочки. Отлично!

– Да. Да, – прохрипела она.

– Умница! – продолжил Константин. – Мы хотим быть уверены, что ты будешь предельно откровенна с нами. Тебе не надо бояться. Так ты не станешь кричать, звать на помощь, делать глупости?

– Нет, нет. – И Коршунов кивнул Сеньтяю. Тот вынул ремень из своих джинсов и протянул его боссу. Тот осмотрел вещь, не притрагиваясь к ней, и кивнул.

– Десять, – коротко бросил он, и Нелли дернулась так, что взвыла от боли в запястьях.

– Нет! – взмолилась она, но никто не придавал никакого значения ее словам. Сеньтай отошел на несколько шагов, давая лучший обзор своему патрону, замахнулся и изо всей силы, со старанием и умением, нанес удар ремнем по задку. Нелли не смогла сдержаться, закричала и задергалась, а через обе ее ягодицы пролегла глубокая красная полоса. Коршунов поднял вверх руку, и Сеньтай мгновенно остановился, хотя уже замахнулся для очередного удара. Константин подошел близко, почти вплотную, и взял Нелли за подбородок. Несколько секунд смотрел ей в глаза, смотрел на слезы, брызнувшие из них и теперь щедро растекающиеся по щекам. Он чувствовал ее тяжелое дыхание, и то, что она не успела почистить зубы, и дыхание ее неприятно, грязно. Дешевка.

– Не кричи, – отчеканил он и отошел в сторону. Следующий удар был сильнее первого, но Нелли приложила серьезные усилия, чтобы не закричать. Она думала, что если вынесет те десять ударов, которые велел нанести ей Коршунов, это даст ей фору. Наивная маленькая дура. Это только разминка.

Как это здорово, для разнообразия заполучить в руки обычную девушку, не профессионалку, не мазохистку от природы, способную погрузиться в странное забытие, получая извращенное удовольствие от боли, унижения и подчинения. В такие моменты, играя с такими «особенными» женщинами-мазохистками, Коршунов и сам чувствовал себя грязным и дешевым, еще грязнее и дешевле них. С некоторых пор мысль, что он может доставлять удовольствие, лишала всю игру прелести и оригинальности.

Страдания должны быть настоящими.

Он хотел видеть в глазах женщин страх смерти и мучений, хотел, чтобы они испытывали то же самое, что испытывали монахини в средневековых монастырях, когда стены их убежища рушились и мирные кельи наводнялись разъяренными убийцами и садистами, жаждущими не только денег, но и власти, насилия и крови. Эта дешевая дрянь с плохо выбритыми подмышками, Нелли, да она – просто подарок небес для усталого путника.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Тут нет непреодолимого превосходства,

Тут нет правдоподобных богов,

И нет имен, которых нельзя назвать,

Я не прошу о многом, только о тебе.

Оззи Осборн

2

Она говорит: «Поклоняйся в спальне».

Единственный рай для меня –

когда я остаюсь наедине с тобой.

Я был рожден больным, но я люблю это...

Хозиер

3

Идентичные близнецы (англ.).

О пропаже Екатерины Воронковой заявили четырнадцатого апреля. Поздним вечером тринадцатого апреля ее видели выходящей из ресторана «Прага» в Москве, и с тех пор ее никто больше не видел (англ.).

----

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alisa-klever/pyatnadcati-ray-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)